

КСЕНИЯ ВОРОБЕЙ

А ВЫ КТО будете?

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ксения Воробей

А вы кто будете?

<https://litres.ru/74689497>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Вальмоне вчера ещё продавали пуговицы, а сегодня предлагают новое лицо. Благодаря толкователям можно показать гостям море прямо на обеденном столе, устроить представление без актёров или ненадолго стать кем-нибудь другим. Главное — хорошенько представить, чего хочется. И желательно заранее подумать, что из этого получится.

Мадлен Ренар твёрдо решила наконец вести себя благоразумно — и почти сразу забралась за волшебными яблоками в чужой сад. Его хозяин, Квентин Доромио, больше всего на свете хочет, чтобы его оставили в покое. Беда в том, что именно он помог создать изобретение, которое теперь не даёт покоя всему городу. А Фанни так привыкла заниматься чужими заботами, что на собственные у неё почти не остаётся времени.

Вальмон с восторгом примеряет новые облики. И всё бы замечательно, если бы не одна неприятная мелочь: далеко не каждому нравится, когда кто-то другой решает побыть им.

Содержание

Теперь можно. А чего хочется?	4
Глава 1. Золотая китайка	8
Глава 2. Павлин в бурю	30
Глава 3. Два лимонных	44
Глава 4. Костюм бывшего мужа	64
Глава 5. Предварительные испытания	79
Глава 6. Под юбкой	107
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Ксения Воробей

А вы кто будете?

Теперь можно. А чего хочется?

Газета «Вестник Вальмона»

В нашем городе стало трудно пройти по улице, не столкнувшись с очередным предложением что-нибудь купить или во что-нибудь вложиться. Вчера здесь была лавка пуговиц, сегодня вам предлагают новое лицо. Над дверью синематографа плавают чудовище. Человек, который ещё недавно просил вас одолжить до полочки, теперь объясняет, что вы просто боитесь нового, и зовёт вложиться в его предприятие.

Я бы всё-таки сперва попросила вернуть долг.

Но вообще-то я их понимаю. Впервые за всю жизнь человек может попробовать колдовать, не потратив перед этим много лет на изучение рун и печатей. Купить Толкователь — и взяться за то, ради чего прежде пришлось бы искать мага, объяснять ему свою затею и надеяться, что после объяснения он хотя бы назовёт цену, а не проводит до двери.

Теперь можно попробовать самому. Вот тут обычно и начинается самое интересное.

Допустим, вам захотелось показать друзьям море. Не то, на котором вы бывали, а своё: розовая вода, тёмные скалы, под волнами светятся рыбы. Пусть образ займёт всего полстола. Вы уже представляете, как гости наклонятся поближе и кто-нибудь позовёт из соседней комнаты остальных.

Сказать Толкователю «хочу море» легко. Но, касаясь жезла и задавая действие, приходится удерживать в голове, что именно вы хотите увидеть: как ложится свет на воду, где кончается берег, как движется волна. И тут выясняется, что море вы помните прекрасно, а волну — не очень. Она ведь всё время движется. Вы никогда не собирались её делать, вы на неё смотрели.

Первая попытка вам не нравится. Розовый слишком яркий, вода похожа на кисель. Во второй цвет уже хорош, зато скалы хочется убрать. В третьей вы наконец понимаете, зачем они были нужны.

К этому времени вы голодны и чувствуете себя так, словно весь вечер разгружали телегу, хотя только сидели над столом. Собственные силы кончаются вслед за энергией Толкователя. Можно поесть, отдохнуть, вернуться завтра. Это было бы разумно. Но вы только что поняли, что не так с волной.

Пригодится накопитель. Потом, возможно, ещё один. Чек лучше пока убрать: рядом с розовым морем он выглядит особенно неуместно.

И вдруг выходит.

Свет проходит сквозь волну, у скалы темнеет вода. Одна из рыб поворачивает, и на мгновение видно всю её тонкую светящуюся спину. Вы зовёте домашних. Они приходят не сразу, а вы уже кричите, чтобы скорее, и сердитесь: неужели нельзя отложить свои дела на минуту?

Кто-нибудь непременно скажет, что рыбы таких цветов не бывают.

Зато другой сядет рядом. И вы оба будете смотреть, пока над знакомой столешницей медленно движется вода.

Этот вечер может обойтись дороже, чем вы собирались. А море потом исчезнет: временным чарам нужна энергия, и бесконечно поддерживать их вы не сможете. На столе останутся накопители и тот самый чек. А вы ещё хотели позвать соседку.

Я бы расстроилась. Особенно если бы кто-нибудь именно тогда спросил, сколько всё это стоило. И всё-таки, будь я среди гостей, мне хотелось бы успеть увидеть море.

У новичка с Толкователем теперь может получиться чудо на вечер. Создать чары, которые надёжно прослужат годами, — другая работа, и ей по-прежнему нужно учиться. Только публика уже хлопает первому чуду, а человек, потративший полжизни на учёбу, стоит рядом и слушает, как его спрашивают, зачем было столько заниматься.

Мне не нравится, как легко «теперь можно проще» превращается в «раньше вы зря старались».

Впрочем, кто-то из мастеров уже сам взял Толкователь. С волной он, пожалуй, справится быстрее. И он, вероятно, заметит в чужой работе ещё десяток ошибок, которых мы с вами не увидим.

За всеми этими переменами — совместная работа Квентина Доромио и его супруги Элианы: он создал первый жезл, она — руническую часть устройства. Теперь с их изобретением открывают мастерские, устраивают представления, примеряют чужую внешность. Затем становятся всё смелее. Не все удаются. Некоторые очень хочется застать до того, как кончатся накопители.

Если решитесь на розовое море, позовите меня, пока ещё плавают рыбы. Я посижу рядом. Про их цвет спорить не стану.

А что вам самим хочется попробовать?

Мадлен Ренар

Глава 1. Золотая китайка

Квентин Доромио пил вино на крыше своего дома и решительно не собирался спускаться, пока внизу оставались люди.

Вечер выдался тёплым. Над рекой таял закат, на набережной зажигались фонари. Возле нового синематографа собиралась очередь; над входом то и дело выпрыгивало из нарисованной волны морское чудовище, приводя прохожих в неизменный восторг.

Жезл лежал рядом на свёрнутом пальто. Квентин устроил его так, чтобы рукоять не касалась черепицы, и теперь время от времени поправлял пальто, хотя сдвигаться там было нечему.

— У этой твари хвост не работает, — сказал он. — Смотри. Вода расходится, а хвост торчит. Чем она, по их мнению, движется?

— Ты уже третий раз смотришь.

Голос был её: чуть ленивый, с тем придыханием перед смехом, которое он когда-то слышал сквозь грохот мастерской.

— Потому что третий раз одна и та же ошибка.

Внизу чудовище нырнуло, обдав нарисованной водой нарисованный корабль. Люди в очереди захлопали. Квентин отвернулся. Для хорошего представления прежде требова-

лось столько народу — актёры, художники, механики, хоть кто-нибудь, понимающий движение. А теперь вообразили нелепость, показали через Толкователь и собирают деньги.

— Им весело, — сказал жезл. — На твоём докладе о подшипниках было тише.

— На мой доклад пришли сорок два человека.

— Тридцать девять обязали явиться по службе. Я считала.

Квентин хотел возразить, что считать следовало тех, кто остался после перерыва, и запнулся. Эту оговорку он уже делал. Ей. Много лет назад.

Он сам встроил её голос в Толкователь. Знал, какие разговоры, привычки, споры остались в накопленном контексте; знал, что жены там нет. Но, собираясь ответить, всякий раз поворачивал голову.

— Мы лошадей снимали, чтобы понять, как они летают, — сказал он после паузы. — Настоящих. А тут можно придумать что угодно, хоть корабль на ногах.

— Я тоже хотела показывать нашу запись людям. А ты объяснял, что они не поймут движения крыла.

Квентин помнил. Ещё он помнил, как она вставала у окна и пробовала руками показать этот взмах, пока он искал нужный лист с расчётами. Смеялась, когда он наконец оборачивался.

— Лошадь хотя бы летала, — буркнул он.

— Летала.

Он протянул руку, словно можно было коснуться её паль-

цев, нащупал прохладную рукоять и придвинул её ближе. Вино успело согреться. Квентин всё равно отпил.

С реки потянуло сыростью.

— Не холодно тебе?

Он не стал дожидаться ответа. Подвернул край пальто во-круг жезла и снова посмотрел на огни у воды.

В саду под крышей шуршали листья. Дорожки давно заросли травой, сирень подбиралась к окнам, фонтан принадлежал лягушкам. Лишь яблоня посередине выглядела так, будто за ней кто-то ухаживал: серебристая кора, раскидистые ветви, маленькие золотые плоды, светящиеся в сумерках.

Жена привезла саженец много лет назад. Потом ей захотелось, чтобы дерево цвело дважды в год, цветы пахли снегом, а яблоки вызвали удивительно яркие, приятные сны. Затем она решила защитить урожай от воров. С тех пор яблоня каждому выдумывала новую пакость: одного мальчишку заставила чихать зелёными искрами, другому подарила роскошные усы.

Он повернулся было к дереву, но снова посмотрел на реку. Ещё можно было вспомнить, как жена по утрам искала на ветвях новые бутоны, подбирая юбку над мокрой травой. Ему не хотелось сейчас вспоминать.

— Квентин, у калитки кто-то стоит.

Он неохотно посмотрел вниз.

— Красивая, — добавил голос. — Ты хоть послушай сна-

чала, зачем пришла.

Квентин прикрыл жезл полый пальто. У калитки стояла женщина в нарядной шляпе. Она внимательно прочла табличку «ЧАСТНОЕ ВЛАДЕНИЕ», открыла калитку, постучала в дом и, не получив ответа, отправилась осматривать сад.

Незнакомка остановилась под яблоней и сорвала плод. Квентин рывкнул, чтобы не трогала. Она не отозвалась; возможно, решила, что это ругаются на соседней улице. Второе яблоко отправилось в корзинку. За третьим пришлось приставать на цыпочки.

Третье яблоко исчезло в корзинке. Из-под корней пополз зелёный дым.

Мадлен Ренар вовсе не собиралась воровать. Утром она завершила формальности третьего развода и дала себе слово провести остаток дня благоразумно: купить пирожных, вернуться домой и заняться собственной жизнью, не пытаясь выяснять, почему та опять сложилась таким дурацким образом.

Планы испортили три мальчишки у кондитерской. Они с видом знатоков уверяли друг друга, что в саду безумного учёного растёт золотая китайка: съешь — и будто неделю отдохнул, а потом ходишь довольный, хоть тебя и побей. Один сообщил, что его дядя попробовал и два дня не ругался. Это показалось Мадлен особенно занятным.

Сами мальчишки яблоч не ели. По их словам, дерево умело не только дарить радость, но и наказывать воров, причём каждый раз иначе. Мадлен решила, что два образца для проверки будет вполне достаточно. Когда же увидела маленькие полупрозрачные плоды, не удержалась и сорвала третий.

Тут из земли повалил дым.

Мадлен отпрянула. Дым поднимался по стволу, запахло горячей смолой. Ни малейшего желания стоять под горящим деревом у неё не было. Она крепко взяла свой Толкователь, представила, как гасит пожар, и крикнула:

— Воды! Скорее, побольше!

Свечение камня потускнело. Над яблоней возникла туча размером с обеденный стол и разом вылила всё содержимое вниз. Дым исчез, сад превратился в болото, а Мадлен промокла до нижней юбки. Пирожные в корзине перестали быть пирожными. Цветы на шляпе безутешно повисли.

— Кто, блядь, так желания загадывает?!

— Я тушила ваше дерево, — ответила Мадлен с максимально возможным достоинством.

— От чего?! Оно вам дым пустило, чтобы яблоки вернуть! А вы залили мне сад. И себя заодно. Платье-то высушите, раз уж жезл достали!

Мадлен хотела ответить что-нибудь исключительно грубое, но вместо этого взяла жезл, коснулась камня и осушила одежду. Причёска осталась мокрой, однако с этой неприятностью она решила разобраться позднее.

Сверху слышался приглушённый женский смех.

— Квентин, по-моему, она испугалась за дерево. Это довольно трогательно, если забыть, что прежде она его ограбила.

Мадлен взглянула на крышу, но второй собеседницы не увидела. Учёный обращался куда-то в сторону собственных ног, затем поправил лежавшее рядом пальто. Решив, что его семейные дела её не касаются, она повернула к калитке.

— Мальчишки сказали, от этих яблок сил прибавляется, — бросила она на прощание. — И будто жить веселее.

Квентин вдруг расхохотался так громко, что едва не пролил вино.

— Сил?! Да вы после них...

Мадлен заметила, как бутылка рядом с ним качнулась и покатилась по черепице.

— Бутылка!

Квентин всё ещё смеялся и только по её лицу понял, что она не шутит. РванулсЯ назад, промахнулсЯ и едва сам не съехал с крыши. Бутылка сорвалась с карниза. Мадлен отступила, но тут же подставила корзинку. Та рванула руку вниз; внутри хрустнул бумажный пакет. Стекло уцелело. Пирожные — нет.

— Превосходно, — сказал Квентин. — Теперь отнесите вино к двери и убирайтесь.

Мадлен заглянула в корзинку, где бутылка лежала среди погибших пирожных.

— Вы раздавили мой ужин. Бутылку, пожалуй, оставлю в возмещение ущерба.

— Это моё вино! А пирожные вы сами утопили!

— Но они хотя бы сохраняли очертания.

Он задохнулсЯ от возмущения. Этого времени ей хватило, чтобы дойти до калитки.

— Пойдите! — заорал Квентин. — Я не договорил, что будет от яблок!

— А я не договорила, что думаю о вашем гостеприимстве! — крикнула Мадлен через плечо и скрылась за воротами.

— Унесла моё вино, — сказал он наконец.

— Ты ей так и не объяснил про яблоки.

— Я пытался!

Из сада пахло мокрой землёй. Квентин посмотрел на пустое место, где стояла бутылка, и впервые за вечер всерьёз задумался о замке на калитке.

* * *

К тому времени, когда Мадлен добралась до моста, городской праздник уже заканчивался. Музыканты складывали инструменты, рабочие снимали гирлянды, а под мостом стояла баржа с мягкими тюками декораций. С улицы её закрывал широкий навес.

Над наружной стороной парапета виднелась светловолосая женщина. Она одной рукой держалась за решётку, другой пыталась достать верёвку, зацепившуюся за кованую завитушку.

— Брук, отпустите! Дайте мне спрыгнуть!

Мадлен увидела узкий каменный уступ под её ногами и тёмную воду ниже. О барже она не знала. Корзинка с вином осталась на мостовой, а сама Мадлен уже бежала к парапету.

— Не надо! — крикнула она, схватила женщину поперёк талии и потянула назад.

Та вскрикнула, верёвка выскользнула из пальцев, крюк с металлическим звоном вылетел из петли. Огромное бумажное солнце, которое рабочие пытались снять, распахнулось во всю ширину и упало на мост, накрыв обеих спасительниц.

Женщина выбралась первой. Светлые крашенные волосы растрепались, на щеке белела полоса краски, голубые глаза возмущённо сияли.

— Да куда же вы! — Мадлен всё ещё держала её за рукав. — Молодая, красивая... Вам жить и жить. Хоть для себя немного поживите, если остальные надоели!

— Я собиралась на баржу, — сказала женщина. Она перестала вырывать рукав и посмотрела вниз, потом на Мадлен. — Там тюки прямо под выступом. Я бы спрыгнула, отвязала нижнюю растяжку и передала её наверх. А они тянут не за тот конец уже третий раз!

Впрочем, возмущение продержалось недолго. Она представила, как выглядело всё это со стороны, прикрыла рот ладонью и внезапно расхохоталась — громко, заразительно, с совершенно неподдельным удовольствием. Мадлен попыталась сохранить серьёзность, но ей помешала голова рабочего, торчавшая из-под перевёрнутого солнца. Они засмеялись обе.

— Госпожа Фанни, что делать с каркасом? — раздалось над ними.

Фанни вытерла глаза и повернулась к рабочим.

— Лучи не складывайте. Полотно отдельно, каркас ребром к лестнице. Брук, лебёдку пока оставьте.

— Ребром не пройдёт, госпожа Фанни. У перил узко. Она посмотрела на лестницу.

— Верно. Снимите два нижних луча. Только пометьте, какие откуда.

Она чуть не добавила, что сама всё сложит, и вдруг почувствовала, как гудят плечи. Краску с рук ещё надо было отмыть; вчера она легла с ней, потому что заснула над списком, и утром кисти прилипали к простыне. Фанни разжала пальцы, проверяя, нет ли занозы. Рабочие уже снимали лучи. На этот раз она позволила им закончить.

Рабочий присел у креплений. Фанни нагнулась было помочь, но заметила Мадлен, всё ещё державшую свою шляпу за сломанный край.

— Вы ушиблись? — спросила Фанни. — Я знаю хорошего врача, а шляпу вам поправят у модистки. Вы ведь хотели меня спасти, и теперь просто неприлично отпускать вас в таком виде.

Мадлен открыла рот, чтобы отказаться от врача. Фанни уже спрашивала, далеко ли ей идти и есть ли дома сухие туфли.

Кто-то передвинул оставленную корзинку. Из неё выкатилось одно маленькое золотое яблоко и остановилось возле туфли Фанни.

— Ох, какое! — Она подняла плод, повертела на свету.

— Настоящее? Похоже на фонарик.

— Настоящее. Говорят, волшебное. Владелец отвратительный, но яблоки вроде ни при чём.

Фанни с интересом заглянула в корзину. Увидела ещё два яблока, бутылку и крем, который когда-то был пирожными.

— Мне кажется, — решила она, — об этом следует поговорить за чаем. Вы же не станете уверять, что после сегодняшнего вам не нужен чай? О, у вас еще и волосы сырые! Точно нужен чай!

* * *

В квартире Фанни пахло цветами и клеем. У окна стоял букет, ещё один лежал на подоконнике в мокрой бумаге: хозяйка не успела найти вазу. Между стеблями белели записки с благодарностями. На полках теснились подаренные фигурки, а на столе — письма, которые пришлось переносить, чтобы поставить чашки.

Одно осталось под блюдцем. Фанни вытащила его, прочла первые строки и положила отдельно.

— Это на завтра. Со списками помочь. Я обещала только посмотреть, там недолго.

Она произнесла это прежде, чем Мадлен успела что-нибудь спросить. Поднос придавил ещё два конверта. Фанни подвинула его, чтобы уголки не мялись, и наконец села.

Мадлен обхватила чашку ладонями. После холодной воды

в саду и бега по мосту от горячего чая разморило; хотелось посидеть молча, но Фанни уже смотрела на корзинку.

Мадлен рассказала про мальчишек, дерево и бутылку. Когда дело дошло до пирожных, Фанни осторожно заглянула в корзину.

— А до сада они какие были?

— Два миндальных. Одно с вишней.

— Теперь одно большое.

Мадлен вздохнула и потянулась за ложечкой.

— Вы всё-таки собираетесь это есть?

— Я за них заплатила.

Фанни рассмеялась, но корзину отбирать не стала. Только подвинула поближе тарелку с печеньем.

Когда Мадлен наклонилась за платком, из-под воротника выскользнула цепочка с кольцом. Фанни заметила, но спросить решилась не сразу. Гостья поймала её взгляд.

— Сегодня развелась, — сказала она. — Третий раз. Муж всё время один и тот же, можете смеяться.

Фанни и засмеялась — раньше, чем успела решить, прилично ли это. Мадлен улыбнулась, сама чуть удивляясь, как легко прозвучали слова. Утром, в конторе, она произносила их совсем другим голосом.

— И что же в нём такого? — спросила Фанни.

— Красив. Очень умён. Иногда так хорош в самом важном, что забываешь обо всём остальном. Феликс Ренар, психиатр-психотерапевт. Врач великолепный. Только никогда

не просите его выбрать вам подарок.

Фанни знала фамилию. О самом Ренаре слышала мало, зато уже представила ужин: небольшой стол, музыка, никаких посторонних. Она стала рассказывать, как это можно устроить, достала карандаш и перевернула ближайший конверт. «Музыканты — спросить Мадлен» появилось на бумаге раньше, чем Мадлен успела возразить.

— Не надо устраивать мне четвёртую свадьбу.

— Я только про ужин. Можно без музыкантов.

Мадлен накрыла ладонью конверт.

— Фанни, я сегодня развелась. Мне пока достаточно пирожных.

Карандаш остался у Фанни в руке. Она посмотрела на только что написанное, провела карандашом под словом «музыканты» и остановилась: Мадлен ведь отказалась не от музыкантов.

— Простите. Вы так о нём говорите, я подумала...

— О нём можно хорошо говорить и не хотеть сегодня с ним ужинать. — Мадлен убрала ладонь. — А вина не откроем?

В корзине торчало горлышко спасённой бутылки. Вино теперь, по её словам, было неудобно возвращать: учёный решит, что ей не понравилось. Фанни успела принести два бокала и сыр, но скатерть заменить ей не дали. Мадлен поставила бокал возле чайного пятнышка и попросила наконец сесть.

Чай остыл. За окном давно горели фонари, от сыра остались корочки. Фанни сняла туфли, поджала ногу и слушала историю о броши, которую знакомая Мадлен приняла за награду за военную кампанию.

— Я её носила, — сказала Мадлен, отвечая на невысказанный вопрос. — Он выбирал. Долго. Это было особенно обидно.

Они опять рассмеялись. Фанни разлила остатки вина по бокалам; пустая бутылка глухо стукнула о стол.

— А что случилось в этот раз?

Мадлен ещё улыбалась. Рассказать про брошь было легко; про то, что случилось, — труднее. Она не хотела ни жаловаться незнакомой женщине, ни изображать развод забавой, от которой завтра непременно передумает.

— Мы решили провести вечер вместе, — сказала она. — Заранее решили. Я даже отложила одно занятие.

Она разбирала старые письма: одной женщине сорок лет присылал деньги человек, с которым та, по всем признакам, не была знакома. Никакой особенной тайны могло и не оказаться, но Мадлен уже нашла две несовпадающие даты и весь день ждала, когда расскажет Феликсу. Он любил такие несоответствия — иногда замечал то, что она пропускала.

— Он пришёл со свёртком. Огромным. Я решила, что это мне, и заранее испугалась, но оказалось — картина. Он купил её для нас обоих.

Фанни ждала описания. Мадлен помедлила, припоминая.

— Олень. На рогах женщина с арфой. Сначала я подумала, что она застряла, а потом выяснилось, что она олицетворяет музыку леса.

Фанни поставила бокал. Мадлен дождалась, пока та отсmeётся.

— Я начала про письма. Он попросил убрать бумаги, потому что красоту картины можно оценить только при свечах. Я убрала. Он зажeг свечи. Я сказала: «Любопытно». И стала ждать, когда можно будет продолжить.

Но Феликс хотел рассказать, как нашёл картину, как торговался, почему живописец выбрал именно такой свет. Он всё время обращался к ней, ожидая ответа, а Мадлен в этот момент вспомнила, где видела нужную дату, и полезла в сумку за выпиской. Что-то в его голосе заставило её поднять голову.

— Сказал, что мог бы поужинать с рамой. Она хотя бы никуда не роется. Я ответила, что рама ему прекрасно подойдёт: тоже позолоченная и слушать не умеет.

— Но он же хотел...

— Знаю. Теперь знаю. Тогда мне казалось, что он нарочно не даёт заговорить.

Мадлен сама слышала, что получилось не вполне честно. Ей и сейчас так казалось — отчасти. Феликс умел занять собой весь вечер и потом искренне недоумевать, почему она недовольна. Но вспоминала она другое: как он придерживал картину, не давая ей соскользнуть с кресла, и всё ждал, пока

Мадлен оторвётся от сумки.

— Я ведь тоже могла послушать, — сказала она. — Только очень хотелось, чтобы в тот вечер послушали меня.

Фанни предложила договориться: один вечер для её писем, другой — для его увлечений. Начала уверенно, но, встретившись с Мадлен глазами, сама замолчала.

— Не хочу по расписанию, — сказала Мадлен. — Хочу иногда увлечься и забыть про часы. А он чтобы подошёл посмотреть, что я там нашла. Он умеет. Приносит еду, потому что я про неё забыла, садится рядом...

Она не закончила. Вино осталось на дне бокала, пить больше не хотелось.

— Ему тоже, наверное, этого хочется, — сказала Фанни.

— Наверное. Только почему всё время я должна об этом помнить?

За окном прогрохотал поздний экипаж. Мадлен подождала, пока стихнут колёса, но продолжила уже тише:

— Я тоже хочу, чтобы обо мне заботились. Не после того, как я всё сделала правильно. Просто так. И хочу пойти куда-нибудь одной, если мне интересно. Ведь надо же самой жить, правда? Нельзя всё время бегать вокруг другого человека.

Фанни посмотрела на поднос, из-под которого выглядывали письма.

— Но если на вас рассчитывают?

— Иногда он может провести вечер без меня. И я без него.

Наверное, мы уже должны были этому научиться.

Мадлен сказала это о своём браке; Фанни представила вечер, когда никого не предупредила, не составила список поручений, не объяснила, где её искать. Сперва было приятно. Потом она начала вспоминать, кому и что ещё не передала.

Заметив, что Фанни опять смотрит на письма, Мадлен пожалела о длинном разговоре. Девушка пригласила её на чай, а получила историю трёх неудачных браков с одним человеком. Мадлен допила вино и спросила, не смыла ли она в саду вместе с дымом всю пользу с яблок. Фанни рассмеялась и принялась выяснять, долго ли вода стояла между деревьями.

У двери Фанни вручила госте запасной платок и листок с адресом модистки. Мадлен убрала их в сумочку, затем попросила карандаш и другой листок.

— Оставлю вам адрес Феликса, — сказала она, записывая имя. — Вы на мосту обещали мне хорошего врача, я вам тоже оставлю. С ним можно говорить, когда плохо. Не ждите, пока станет совсем худо. Только не говорите ему, что я так хвалила.

Фанни хотела заверить её, что врач ей ни к чему, но Мадлен уже доставала золотое яблоко.

— Держите. Мальчишки обещали бодрость и счастье. Я ничего не гарантирую, особенно после знакомства с владельцем сада, но уж очень оно красивое. У меня ещё два.

— Тогда приходите ещё, — сказала Фанни. — Без приключений.

— Обещать не буду.

Мадлен надела сломанную шляпу, поправила её перед зеркалом и ушла. Фанни положила листок с адресом врача возле чайника. Квартиру всё ещё наполняло приятное ощущение чужого присутствия: отодвинутое кресло, забытая на блюде ложечка, запах духов. Она решила пока ничего не убирать.

* * *

Ночью Фанни достала письма из-под подноса. На первую просьбу ответила сразу. Во второй пришлось сверяться со списком. Третью она уже читала за чаем, но теперь никак не могла вспомнить, о чём там просили.

Так бывало всё чаще. Последние недели она оставляла на вечер то, что не успевала днём, а утром просыпалась раньше будильника и начинала с недоделанного. Даже удачный праздник означал ещё счета, возврат тканей, благодарности, обещание встретиться и обсудить следующий. Во время самого праздника ей было хорошо. Потом приходилось собирать себя на самые простые вещи — разуться, поесть, дойти до постели.

Сегодня она успела и поесть, и насмеяться. Почему же на третье письмо всё равно не хватало сил?

«Нельзя всё время бегать вокруг другого человека».

Она написала: «Завтра, к сожалению...» — и остано-

лась. На листе осталось пятно: перо слишком долго касалось бумаги. Если не сможет прийти, они попросят кого-нибудь ещё. Или справятся сами.

Утром Фанни оставила свой Толкователь на длинном столе, попросив сохранить обсуждение последних приготовлений к празднику: ей нужно было отлучиться разбираться с доставкой цветов. Потом весь день было некогда посмотреть.

Она взяла жезл. Вот и проверит. Может быть, Мадлен права и ничего страшного в её отсутствии нет.

Изображение возникло над столом: окно слева, край доски, три человека, один наполовину заслонён чужим плечом. Человек за чужим плечом так и остался невидим, даже когда заговорил.

— Давайте всё распределим, пока Фанни нет, — говорила одна из помощниц. — А то вернётся и снова решит, что мы без неё пропадём. Она замечательная, но ей хоть иногда надо давать отдыхать.

— Столы лучше к воде, — сказал Брук.

— А ветер? Все скатерти в реке будут.

— Тогда к стене. Только проход оставим.

Помощница потянула к себе список.

— Я возьму столы. Кто встретит музыкантов?

Фанни сидела, подперев щёку ладонью. На блюде возле локтя лежало яблоко. Она взяла его, не отводя глаз от изображения, и откусила.

Они договорились без неё. Никто даже не предложил по-

дождать, когда она вернётся. Фанни вернула запись к тому месту, где о ней сказали «замечательная». Потом ещё раз — к столам. Проход они оставили достаточно широкий.

Яблоко было сладким, с привкусом холодного воздуха. Она откусила ещё, попробовала вспомнить, что собиралась им посоветовать. За столами действительно было удобно — она сама видела это сегодня.

Изображение расплывалось. Фанни моргнула, поставила жезл в подставку. Хорошо, что они справились. Теперь можно...

Она успела положить плод на блюдо. Щека легла на согнутую руку.

Глава 2. Павлин в бурю

Во сне Фанни была в саду, где длинный стол уже накрыли к обеду.

Там собрались знакомые люди, хотя, проснувшись, она не смогла бы назвать всех. Между чашками лежали веточки вишни; кто-то принёс тёплый хлеб, и корочка хрустнула так отчётливо, что Фанни почувствовала её у себя на зубах. Она стояла в стороне и видела себя за столом — в старом платье, которое любила и давно кому-то отдала. Та, другая, смеялась над чем-то, запрокинув голову.

Надо было подать ещё тарелки. Фанни подумала об этом, но тарелки уже несли. У ребёнка упала ложка — её поднял сидевший рядом мужчина. Ветер потянул скатерть, и кто-то прижал край ладонью.

Другая Фанни всё это видела. Сидела и отламывала хлеб. Её не забыли: подвинули к ней блюдо, попросили рассказать смешную историю, потом перебили, потому что знали её по-другому. За столом заспорили. Фанни, стоявшая в стороне, тоже хотела возразить, но женщина в старом платье уже говорила именно то, что она собиралась сказать. Они рассмеялись вместе.

Сад менялся незаметно. На ветвях появились ягоды, потом пожелтели листья; одна чашка разбилась, её заменили другой. У женщины за столом мелькнула седая прядь. Ребё-

нок, уронивший ложку, сидел теперь на другом месте и разрезал большой пирог. Фанни не удивлялась и не пыталась подсчитать годы. Всё было знакомо, даже то, чего она никогда не видела.

Ей подвинули свободный стул. Она села — уже не глядя на себя со стороны — и вытянула ноги под столом. От земли шло тепло. Можно было дослушать историю до конца: никто не ждал, что она встанет раньше остальных.

Вдалеке постучали. Фанни решила, что откроет кто-нибудь другой.

Фанни проснулась от стука в дверь.

Свет падал на стол с непривычной стороны. Щёку тянуло от складок рукава, затекшая рука не разгибалась. Фанни пошевелила пальцами и стала смотреть, как они сгибаются. Потом провела ладонью по щеке. В комнате пахло вчерашним чаем, а не садом.

Стук повторился. Часы показывали без малого одиннадцать.

Она встала слишком быстро и ухватилась за край стола. Постояла, пока перестало качать, затем пошла открывать. За дверью оказался мальчишка из праздничной команды.

— Госпожа Фанни, Брук велел передать: декорации убрали, счёт от управы получили, материалы заперли. И сегодня вас никто не должен беспокоить. Он особенно просил это сказать.

— А списки?

— Какие?

— На сегодня. Я обещала посмотреть.

Мальчишка подумал.

— Не знаю. Брук сказал: всё сделали.

Фанни поблагодарила его. Он помедлил, ожидая поручения, потом сбежал по лестнице. Она закрыла дверь.

На улице кто-то засмеялся. Фанни вернулась к окну. Мальчишка уже бежал через дорогу, перепрыгивая лужи, и ни разу не оглянулся. Во сне всё происходило так легко: она сидела, а остальные справлялись. Теперь ей захотелось остановить его и попросить ещё раз проверить списки.

Никто не сердился. Никто не спрашивал, где она пропала. Даже письма, на которые она собиралась отвечать, возможно, уже были не нужны. За столом в саду её ждали и без всякого дела. Здесь она не знала, чем занять даже ближайший час. На всякий случай налила воды, хотя пить не хотелось.

«А если совсем исчезнуть и больше никому ничего не быть должной?»

Фанни застыла с чашкой в руке. Мысль пришла буднично, как приходит решение отменить встречу. От этого стало страшнее.

Она поставила чашку. Вода плеснула на листок возле чайника. Фанни машинально подняла его. Над расплывающейся строчкой ещё отчётливо читалось: «Феликс Ренар».

С ним можно говорить, когда плохо.

Фанни села. Посидела, прижимая листок к колену. Потом решила, что сначала надо умыться.

Умываться тоже оказалось трудно: найти полотенце, налить воды, убрать волосы. Между намерением и движением всякий раз проходило какое-то время. Она долго смотрела в зеркало, не понимая, что ещё не сделала, пока не заметила вчерашнюю краску возле уха.

Можно сходить. Просто спросить.

Но без записи её не примут. А если примут, кому-то придётся ждать. Там люди, которым действительно плохо; нельзя являться потому, что проспала утро и не знает, чем себя занять. Он спросит, что случилось. Что она скажет? Все хорошо работают, никто не обидел, вечером пила вино с приятной женщиной, а теперь жалуется?

Она положила листок в сумочку, потом вынула. Села, не застегнув платье до конца.

Надо поесть. После еды, наверное, станет легче. Она отломала хлеба, прожевала. Легче не стало. На письма смотреть не хотелось, и тут же стало стыдно: совсем недавно она сама радовалась, что к ней обращаются.

Фанни взяла верхний конверт, чтобы всё-таки закончить ответ. На обороте обнаружила её вчерашняя приписка: «Музыканты — спросить Мадлен».

Она вспомнила оленя с женщиной на рогах.

А ведь Феликс и Мадлен толком не поговорили. Каждый ждал, что другой догадается. Если познакомиться с ним,

осторожно выяснить... Не устраивать ужин, нет. Просто понять, можно ли помочь.

Фанни подняла голову. Для этого можно было выйти из дома. Не обязательно сразу рассказывать про себя. Она зайдёт ненадолго, передаст привет. А там посмотрит.

Она застегнула платье, собрала волосы. Листок снова отправился в сумочку. Уже у двери Фанни вернулась за ним, хотя он был там; пришлось открыть сумочку и убедиться.

На улице она медленно пошла в сторону лечебницы. По дороге дважды собиралась повернуть назад. Оба раза вспоминала Мадлен.

* * *

Феликс принимал в отдельном крыле лечебницы. Снаружи были светлый камень, подстриженные кусты и латунная табличка; за дверью начиналось бордовое, зелёное и золотое. В приёмной Фанни остановилась перед картиной: павлин распустил хвост на фоне морского шторма и античной колоннады. Она попробовала найти место, на котором мог бы стоять павлин, не намочив лап, но служащая уже спрашивала, к кому она.

Фанни назвала доктора и сразу предупредила, что не записывалась. Можно зайти в другой день, если сейчас нельзя. Она от Мадлен Ренар, дело небольшое.

— Вы со вчерашнего праздника? — оживилась служащая.

— У внушки бумажное солнце до сих пор над кроватью висит.

Фанни хотела спросить, хорошо ли держится крепление. Открыла рот и забыла, как оно называлось.

Женщина перестала улыбаться.

— Вам нехорошо? Сядьте пока. Я узнаю у доктора.

Фанни села в изумрудное кресло. Подлокотник оказался неудобным, и она почему-то почувствовала облегчение: вот вещь, к которой можно было предъявить вполне понятную претензию. Пока думала об этом, открылась дверь.

Феликс Ренар был так красив, что нелепость зелёного жилета с сиреневыми цветами обнаруживалась только со второго взгляда. Он выслушал служащую, посмотрел на Фанни чуть пристальнее, чем ей понравилось, и пригласил войти. За его спиной остался павлин. Ошибиться в том, кто выбирал обстановку, было невозможно.

— Мне сказали, вы от Мадлен, — произнёс он. — Что случилось?

Фанни начала с того, как хорошо бывшая жена о нём отзывается. Это помогло ей заговорить. Она объяснила, что они познакомились накануне, что Мадлен очень увлечённый человек и, наверное, им обоим трудно находить время друг для друга.

Феликс стоял у стола, не снимая руки со спинки кресла.

— Простите, это она просила передать?

— Нет. Она вообще не знает, что я здесь.

Он сел. Фанни вдруг поняла, что продолжение про ужин будет звучать совсем нелепо.

— Мне дали ваш адрес, — сказала она. — Я не очень хорошо себя чувствую.

— Расскажите об этом.

Она принялась за вчерашний день: праздник, Мадлен, вино, потом запись в Толкователе. На слове «запись» Феликс чуть помедлил, но спросил только, что на ней было. Фанни объяснила: помощники обсуждали приготовления, все работали, никто ничего плохого не сказал. Она говорила всё быстрее, будто могла сразу добраться до места, где её приход окажется оправданным.

— А сегодня утром я подумала, что можно совсем исчезнуть. И больше никому ничего не быть должной.

Он остановил её.

— Когда вы говорите «исчезнуть» — это уехать от всех? Или умереть?

Фанни смотрела на цветы на его жилете. Один стебель обрывался возле пуговицы; хотелось совместить половинки узора.

— Умереть. Я не собиралась... Ничего не делала. Просто подумала. И испугалась.

Феликс уточнил, есть ли такое желание сейчас, приходило ли в голову что-нибудь конкретное, готовилась ли она причинить себе вред. Говорил прямо, не понижая голос на неудобных словах. Фанни отвечала сначала торопливо, по-

том медленнее. Плана у неё не было, действий тоже; сейчас она не хотела умирать, но боялась снова остаться одна с той мыслью. Раньше подобного с ней не случалось.

— Мне нравится жить, — сказала она, и тут же пожалела: прозвучало как возражение самой себе. — Вчера мы смеялись. По-настоящему. Я не притворялась.

— Я вам верю. И всё-таки хочу понять, что было утром.

Он спрашивал, как она спит, давно ли стало трудно работать, случались ли прежде похожие периоды, кто может побыть с ней сегодня. Когда услышал про яблоко и внезапный сон над столом, отложил перо. Пришлось ещё раз, по порядку, рассказывать о вине, плоде, времени пробуждения. Фанни уже раздражалась: она пришла из-за того, что происходит у неё в голове, а они считали бокалы и часы.

— Я и до яблока уставала.

— Вот это важно. Насколько давно?

Точного ответа не нашлось. Сначала были занятые дни, потом недели. Она перестала ходить куда-нибудь просто так: если выбиралась, то непременно по делу. Но на самом празднике было хорошо, и вчера с Мадлен тоже. Феликс слушал, иногда просил вернуться к пропущенному. Уставать каждый день и весь день чувствовать одно и то же оказалось не одинаковыми ответами.

— Я не буду сейчас списывать всё на яблоко, — сказал он. — Но после незнакомого магического плода такую сонливость тоже нельзя оставить без осмотра. Больше его не ешь-

те. Остаток сохранился?

Она кивнула. Он вышел ненадолго, распорядился насчёт осмотра и попросил изменить время следующего посетителя. Фанни слышала его голос в приёмной и уже придумывала извинение.

Вернувшись, Феликс поставил возле неё воду и раскрыл блокнот на новой странице.

— На записи вы слышали что-то обидное?

— Нет же. Они хорошие. Там обо мне говорили, что я замечательная и мне нужно отдыхать. Я даже два раза переслушала.

— Я сначала хотела им написать про столы, — продолжила Фанни. — А потом досмотрела. Они сами всё заметили и переставили.

Она провела пальцем по мокрому следу от стакана.

— Я даже не понадобилась.

— Вас задело, что не посоветовались?

— Я сама сказала, чтобы не ждали меня по каждому пустику! Вы думаете, мне хочется, чтобы они без меня всё испортили?

Феликс поднял глаза от блокнота.

— Нет. Я неудачно спросил. Попробуйте вы объяснить.

Фанни уже приготовилась защищать помощников и теперь не знала, куда девать начатое возмущение. Отпила воды. Она была тёплая.

— Хотелось, чтобы кто-нибудь спросил, когда я вернусь.

Не из-за столов. Просто спросил.

Феликс ничего не записал.

— А с Мадлен сидела и радовалась, что никто не зовёт. Только она ушла — мне уже обидно. Хотя они ничего...

Фанни замолчала, с досадой отодвинув стакан.

— Вы не обязаны приносить мне доказательства их дурного поведения, — сказал он.

Фанни усмехнулась и сразу перестала. Ей нравилось делать праздники. Нравилось, как люди сперва не понимают задумку, потом начинают спорить и придумывать своё; как человек, который пришёл на полчаса, остаётся до самого конца. Она заговорила об этом, увлеклась и почти забыла, что объясняет. Затем вспомнила.

— Не надо только говорить, что я всё делаю ради похвалы.

— Я не собирался.

Фанни помолчала. Феликс ждал.

— Просто если я им рада, почему мне плохо, когда им хорошо без меня?

— Пока не знаю. Одной записи для ответа мало.

Феликс вернулся к её обычным дням. На этот раз она не перечисляла дела подряд: останавливалась, пытаясь вспомнить, когда успевала поесть, что переносила на ночь, от чего могла отказаться. Перед вчерашним вечером она почти неделю ни с кем не сидела без дела. Вечер дома тоже не оказался отдыхом — до ночи разбирала счета.

— Я спросил об отдыхе, а не об адресе, — заметил Фе-

ликс, когда она снова сказала, что никуда не выходила.

Фанни коротко рассмеялась. Потом призналась, что сама не знает, как отказывать, пока ещё может помочь. Если сказать «устала», люди начнут беспокоиться, отменять, переделывать. Придётся объяснять, что всё не так плохо. Проще сразу сказать, что там недолго.

— Но иногда правда недолго, — добавила она упрямо.

— Иногда, — согласился он. — Давайте разберём один случай. Не все сразу.

Она выбрала вчерашнее письмо со списками, начала объяснять, почему там без неё не обойтись, и обнаружила, что сама списков ещё не видела. Помолчала. С другого конца стола слышалось, как перо касается бумаги.

— У Мадлен тоже так, — сказала Фанни. — Она хочет, чтобы вы сами спросили про её письма. Ей неловко всё время напоминать, хотя она, конечно, не признается. Вы ведь могли бы...

— Фанни.

Она замолчала.

— Я сейчас не буду обсуждать с вами свой брак.

Прозвучало резче, чем всё остальное. Фанни сразу извинилась и подвинулась к краю кресла. Феликс положил перо.

— Я не прошу вас уходить. У нас с Мадлен большой опыт расставаний. Сегодня обойдёмся без вашего участия.

Она кивнула, но всё ещё сидела, словно её должны были отпустить.

— Вы можете здесь остаться, ничего для нас не устраивая,
— добавил он.

Фанни достала платок. Хотелось объяснить, что она не собиралась их мирить, только познакомиться и понять. Получилось слишком много неправды для одного объяснения.

— Я не справляюсь, — сказала она.

Он не ответил сразу. Дал ей высморкаться, подвинул воду. За дверью прошли; Фанни вскинула голову.

— Я договорился, — сказал Феликс. — Время у нас есть.

Они ещё говорили. Фанни не могла бы потом пересказать всё по порядку; зато помнила, как он попросил её самой повторить, что она сделает, если опасная мысль вернётся. Не дожидаться следующего приёма. Обратиться за немедленной помощью в лечебницу, позвать человека, которому доверяет; если не уверена, что сможет оставаться в безопасности, не оставаться одной. Они обсудили, кто доступен сегодня и как с ним связаться. Фанни вспомнила подруг: по этому дню они обычно собирались у одной из них. Адрес она знала, могла зайти после осмотра. Феликс попросил не ограничиваться обещанием заглянуть — сказать кому-нибудь прямо, что ей сейчас трудно одной.

Феликс назначил следующую встречу и записал время крупно, потому что Фанни переспросила его дважды. Она подержала листок в руках.

— А до встречи что делать? Кроме того, о чём мы договорились.

Он взглянул на неё.

— Не надо к следующему приёму исправлять всю жизнь. Если будет по силам, попробуйте одну вещь: прежде чем помогать, спросите, нужна ли помощь. И если ответят «нет», не принимайтесь сразу убеждать.

— Они могут из вежливости отказаться.

— Могут.

Фанни ждала продолжения. Он не продолжил.

— И что тогда?

— Придётся пережить их самостоятельность.

Она посмотрела на листок. Задание выглядело коротким только на словах. Вспомнились рабочие у бумажного солнца, рука Мадлен на конверте.

— А если человек тонет?

— Тонущих спасайте.

Фанни усмехнулась.

— Значит, сначала выяснить, тонет ли человек.

— И не объявлять утоплением всё, что вам хочется поправить. Потом расскажете, как получилось. Не получилось — тоже расскажете.

Уже в дверях она спросила, не передать ли чего-нибудь Мадлен. Феликс посмотрел на запечатанный конверт у края стола.

— Собирался отправить с утра, — сказал он. — Если увидите. Специально искать её не надо.

Фанни взяла письмо. Хотела спросить, личное ли, но

убрала конверт в сумочку, не задав вопроса.

В приёмной всё ещё бушевало нарисованное море. Фанни остановилась перед павлином, пока служащая уточняла, где её ждут на осмотр.

— Нравится? — спросил Феликс, вышедший следом.

Она посмотрела на него. Хотела поблагодарить, сказать что-нибудь приятное, но он ждал ответа именно о картине.

— Нет. Простите, он ужасен.

Феликс окинул полотно взглядом.

— Мадлен тоже так говорит. Совершенно не видит цвета.

Он поправил край рамы, хотя она висела ровно. Фанни подумала о женщине с арфой, застрявшей в оленьих рогах, и едва удержалась от смеха. Врач был уже занят следующим посетителем.

Глава 3. Два лимонных

После осмотра Фанни пошла к подругам. На улице уже не приходилось останавливаться перед каждым новым действием, как утром. Она поправила перекрутившийся ремешок сумочки, обошла лужу, заметила, что у булочной сменили вывеску. Усталость оставалась, но идти оказалось легче, чем сидеть дома и решать, идти ли вообще.

На лестнице она задержалась: из-за двери доносился смех, и ей вдруг расхотелось входить. Придётся улыбаться. Или, ещё хуже, кто-нибудь спросит, что случилось, и все замолчат.

Дверь открылась раньше, чем она успела позвонить. Хозяйка выносила пустой поднос.

— Фанни! А мы думали, ты занята.

— Я ненадолго. Подумала, вдруг у вас ещё чай остался.

Её взяли под локоть и провели в комнату. Для неё подвинули кресло, отыскиали чашку с целой ручкой. Подруга напротив подвинула блюдо с вишнёвым пирогом и попросила начать историю сначала: Фанни обязательно должна услышать.

Оказалось, чужая свекровь приехала на день раньше и застала в собственной спальне двух приглашённых музыкантов.

— Они хотя бы играли? — спросила Фанни.

— Спали. В том и беда. Она решила, что мы их содержим.

Фанни рассмеялась. Кто-то засмеялся ещё громче, услышав её, и в комнате сразу стало легче дышать. Она устроила тарелку на коленях. Горячая вишня обожгла язык; Фанни поймала губами каплю с ложечки и стала слушать, как музыкантов выводили через кухню.

Хозяйка, смеясь вместе со всеми, перебирала приглашения. Потом вытащила из-под конвертов Толкователь.

— Я вам лучше покажу, что придумала для субботы.

Она взяла жезл в руку, сосредоточилась. Возник образ зала: белые скатерти, ветки с мелкими цветами, гирлянды над столами. На минуту разговор стих.

— Цветы будут настоящие?

— На столах — да. А наверху хочу образами. Только пока пробую.

Хозяйка изменила замысел, и между гирляндами появились белые птицы. Она полюбовалась ими, нахмурилась и убрала. Без птиц ей нравилось больше.

Фанни почти не смотрела на цветы. Крайний стол упирался в дверь. Она представила, как сюда войдёт человек с подносом, повернётся боком, заденет скатерть... Нужно просто сдвинуть стол. Нет, тогда не поместится второй.

Она поставила тарелку на столик и уже потянулась к приглашениям — посмотреть, сколько гостей, — но удержала руку. Её не просили. Пока можно было спокойно есть пирог.

— А ты что скажешь? — хозяйка повернулась к ней. —

Можно так сделать?

Фанни выпрямилась.

— Сколько человек придёт?

— Сорок. Может быть, сорок два.

— Со стульями покажи.

Когда в образе появились стулья, проход почти исчез.

— Зато никто не уйдёт раньше времени, — заметила одна из подруг.

Все засмеялись, кроме хозяйки. Та смотрела на свой зал с таким огорчением, что Фанни стало её жалко — и одновременно радостно: это ведь можно поправить. Она уже видела как.

— Дай карандаш.

Она перевернула конверт и набросала прямоугольник. Хозяйка прекратила показ, придвинула своё кресло. Их головы оказались рядом над рисунком.

— Вот здесь оставим вход. А этот стол поперёк. Только тётку сюда не сажай, ей будет дуть.

— Ты помнишь?

Конечно, Фанни помнила. Она помнила и тётку, и складной стул, с которого та однажды не смогла встать, и что на другом конце зала ей будет плохо слышно. Карандаш двигался всё быстрее. Внутри собиралось приятное, знакомое усилие: ещё чуть-чуть, и всё получится. Утром она не могла решить, куда поставить чашку, а сейчас сорок два человека послушно занимали места на обороте конверта.

— Ну вот, — сказала хозяйка с таким облегчением, словно праздник уже удался. — Я бы сама никогда.

Фанни хотелось сделать ещё что-нибудь, пока на неё так смотрели.

Оказалось, зал обещали в субботу с полудня, а теперь отдавали лишь после шести. Хозяйка достала письмо. Фанни прочла, попросила квитанцию о задатке. Для папки подвинули пирог.

— Им надо написать, — сказала она. — Здесь же совсем другое условие.

— Ты бы написала. У меня получится сердито.

Фанни охотно взяла перо. Она знала этого управляющего: главное — не начинать с угроз. Сначала напомнить, когда договорились, затем приложить копию квитанции. Можно ещё сослаться на...

За спиной засмеялись.

Она улыбнулась, не поднимая головы. Пусть пока поговорят, она сейчас закончит. Зачеркнула слишком резкое слово, подобрала другое. Спросила дату; хозяйка ответила и снова повернулась к остальным.

Чужие голоса стали далёкими, как за закрытой дверью. Иногда до Фанни долетало имя, и она пыталась одновременно удержать фразу письма и понять, о ком говорят. Один раз обернулась, готовая вмешаться в разговор, но не узнала историю. Там уже всё случилось без неё: кто-то приехал, кого-то застали, над чем-то теперь смеялись.

— Что он сказал? — спросила она.

— Ой, сейчас, — отозвалась подруга, не в силах договорить от смеха.

Фанни подождала. Сама начала улыбаться, надеясь подхватить веселье. Но другая женщина уже рассказывала похожий случай, и объяснение затерялось. Перо подсохло. Фанни обмакнула его снова.

Теперь хотелось поскорее закончить. Она дописала последнюю строку, перечитала — пропустила имя. Вставила над строчкой. Получилось неряшливо. Нельзя же вручить такое управляющему; он решит, что просьба неважная.

Пока она переписывала, ей предложили ещё чаю. Фанни кивнула. Только когда чашку поставили рядом, заметила, что прежняя почти полна. Холодная плёнка дрогнула на поверхности.

— А можно я дам твой адрес кухне? — спросили у неё.
— У них детский праздник. Она совсем растерялась. Ты хотя бы подскажешь?

— Пусть напишет, — ответила Фанни.

И уже после ответа почувствовала тяжесть: ещё одно письмо. Ещё один человек, которому она понадобится. Несколько минут назад ей хотелось именно этого.

На другом конце стола стояла её тарелка. Вишнёвый сок подсох на краю. Фанни попробовала вспомнить, что ей самой хотелось рассказать, когда она пришла. Что-то смешное. Про шляпу Мадлен, кажется. Теперь пришлось бы прервать

всех, объяснить, кто такая Мадлен, начать издалека. Да и смешного в сломанной шляпе вдруг ничего не осталось.

— Как хорошо, что ты пришла, — сказала хозяйка, забирая письмо.

Фанни посмотрела на неё и улыбнулась с опозданием.

Теперь можно было вернуться в кресло. Хозяйка даже убрала с него папку, освобождая ей место. Фанни села, положила руки на колени и попробовала слушать.

Подруги выбирали день для следующей встречи. Кто-то не мог в четверг, кто-то предлагал собраться с утра. Фанни ждала, что её тоже спросят, и заранее боялась вопроса: придётся открыть записную книжку, что-нибудь обещать. Ей только что хотелось участвовать, а теперь даже ответить, свободна ли она в четверг, казалось трудно.

Хозяйка наклонилась к ней:

— Тебе ещё отрезать?

Фанни покачала головой. От заботливого голоса вдруг защипало в носу. Если сейчас спросят, что с ней, она, пожалуй, заплачет. Посреди хорошего вечера, когда все так рады друг другу. И объяснить толком не сумеет.

Она стала искать сумочку. Хотелось оказаться на улице, где можно идти и ни на кого не смотреть.

— Я, наверное, пойду.

— Уже?

— Да. Устала что-то.

Это было правдой, и всё же Фанни произнесла это виновато.

то, словно придумала предлог. Подруга придержала для неё дверь; из комнаты ещё донеслось: «Так на четверг договариваемся?»»

У двери выяснилось, что письмо хорошо бы ещё отнести: раз уж Фанни знает управляющего, может быть, по дороге... Она уже собиралась спросить, до которого часа его можно застать. Взгляд упал на фарфорового павлина возле зеркала. Феликсу бы понравился. Вспомнился его павлин среди волн, потом короткое: «Тонущих спасайте».

Здесь никто не тонул. Письмо было готово.

Фанни взялась за застёжку перчатки. Палец никак не попадал в петлю.

— Я сегодня не отнесу.

Получилось сухо. Почти сердито. Хотелось немедленно добавить причину — серьёзную, достаточную, которую нельзя принять за нежелание помочь.

— Конечно, — сказала хозяйка. — Я с посыльным отправлю. Спасибо тебе.

Она обняла Фанни, прижала щеку к её щеке и вернулась к гостям. За дверью кто-то спросил, где сахар.

Фанни стояла на площадке. Ничего не произошло. Никто не пошёл за ней выяснять, что случилось, и не потребовал объяснений.

От этого почему-то не становилось легче.

Она могла бы отнести письмо. Там всего несколько улиц. Сейчас хозяйка станет искать посыльного, платить ему, бес-

покоиться — а она пойдёт домой и сядет. Просто сядет. Даже не заболит достаточно сильно, чтобы оправдаться.

Фанни спустилась на несколько ступенек и остановилась. Можно вернуться, сказать, что всё-таки по пути. Хозяйка снова обрадуется; это неприятное, холодное чувство внутри сразу кончится.

Наверху смеялись. Фанни крепче взялась за перила и пошла вниз.

* * *

На улице она несколько раз меняла руку, в которой несла сумочку. Ей казалось, что она ушла некрасиво. Наверное, стоило остаться ещё на четверть часа. Или хотя бы доесть пирог. Вдруг они решили, что она обиделась?

Она и обиделась. На что — попробовала бы объяснить. Её встретили, накормили, похвалили. Никто не заставлял писать. А ей хотелось, чтобы кто-нибудь заметил, сколько времени она просидела спиной ко всем, и сам позвал обратно.

Фанни шла к дому, но представляла другую дверь. Мадлен открыла бы без шляпы, удивилась; можно было бы спросить, дошла ли она до модистки. Только где эта дверь?

Адрес модистки она дала. Адрес Феликса получила. О собственном адресе Мадлен тогда так и не заговорили.

Можно попросить передать записку через врача. Но сегодня она уже пыталась устраивать его личную жизнь. Сно-

ва появиться в приёмной и начать: «Мне нужна ваша жена»... Фанни представила лицо секретарши и свернула на свою улицу.

Из лавки пахло чабрецом. На пороге сушили свежевывмытые полки, и травяная горечь смешивалась с запахом мокрого дерева. В последнее время травы пробовали во всём: в мыле, в маслах для кожи, в сладком тесте. Привозные пряности тоже входили в моду. Даже знакомая булочная теперь каждую неделю предлагала начинку, которой прежде никто не пробовал. Но от прохожих всё ещё чаще пахло чабрецом, чем дорогими смесями с Восточных островов.

Потом потянуло сладким, тёплым — и Фанни решила, что проголодалась.

Корица. Тёплая, густая, с той сладостью, которая появляется у масла, когда оно впитывается в горячее тесто. Потом потянуло чем-то свежим, чуть горьким, как от согнутой над чашкой корки. Фанни вдохнула глубже. На мгновение захотелось закрыть глаза и откусить хрустящий край булочки.

Она посмотрела на вывески. «Запись воспоминаний». «Накопители». «Школа желаний». Никакой пекарни.

Аромат прошёл мимо вместе с немолодой полной женщиной. Та несла маленькую сумочку и придерживала подол, обходя лужу. Фанни невольно сделала шаг следом, разглядывая её руки: ни свёртка, ни корзины. Женщина остановилась. Фанни продолжала смотреть ей в лицо, пока не поняла, насколько это неприлично.

— Простите. От вас пахнет...

— Слишком сильно?

— Булочками.

Женщина поднесла запястье к носу, подождала и нахмурилась.

— С утра с ним вожусь. Дома уже ничего не различала. На улице, думала, пойму лучше.

— Вы сами сделали?

Та кивнула.

— Я сперва подумала, что здесь пекут, — сказала Фанни. — Потом стала смотреть, что у вас в сумочке.

— Пусто. За накопителями иду. За какой-то час извела все до одного, а толку никакого.

Фанни невольно вдохнула ещё раз.

— Но пахнет же замечательно.

— Пахнет. Только я хотела, чтобы корицу чувствовали вблизи. Почти случайно. — Женщина посмотрела через улицу. — А вы где стояли?

Фанни показала.

— Вон там. У вывески.

Женщина посмотрела на своё запястье и опустила руку.

— Вот видите.

Фанни тоже посмотрела на вывеску. Расстояние было приличное.

— А если я сама захочу такие духи? Чтобы далеко пахло. Вы поможете выбрать?

— Именно так далеко?

— Можно чуть ближе.

Женщина улыбнулась.

— Только не сегодня. Сегодня я уже ничего не различаю.

— Я вас задержала, простите. Вам ведь за накопителями.

— Успею.

Женщина ещё раз оглядела Фанни, будто собиралась спросить что-то об одежде.

— Брюки не обрезайте. Вам их ещё возвращать.

Фанни посмотрела на своё платье.

— Какие брюки?

Женщина тоже опустила глаза. Помолчала.

— Простите. Задумалась.

Мальчик с длинным свёртком попросил их посторониться. Женщина посторонилась и пошла дальше; Фанни отступила в другую сторону и увидела за его плечом Мадлен.

Мадлен стояла у кондитерской, разглядывая витрину. На ней не было шляпы. Фанни успела обрадоваться, потом испугалась, что та сейчас войдёт и придётся догонять её уже внутри.

Фанни дождалась, пока проедет экипаж, и перешла улицу.

— Вам шляпу починили?

Мадлен обернулась.

— Фанни! Оставила у вашей модистки. Она долго смотрела на перо, потом спросила, дорого ли оно мне как память. Пришлось рассказать про мост.

— Я могу объяснить, как его выпрямить. Там проволока...

— Она справится. Вы лучше скажите: вот эти с чем?

Фанни подошла к стеклу. Мадлен показала на круглые пирожные под тонким слоем белой глазури.

— С лимоном. Я брала такие для актёров после репетиции.

— И как?

— Мне не досталось.

— Тогда проверим.

Мадлен взялась за ручку двери. Фанни сделала шаг вместе с ней и остановилась.

— Вы домой их берёте?

— Ещё не решила. А что?

— Ничего. Я просто... Я тут недалеко была. У подруг.

Мадлен посмотрела на неё внимательнее. Фанни поправила перчатку, пряча чернильное пятно, и почувствовала, как утомительно сейчас будет говорить, что всё хорошо.

— Зайдём, — сказала Мадлен. — Потом хочу посмотреть новый салон за углом. Пойдёте со мной? Там меняют внешность на вечер. Я уже дважды проходила мимо, всё некогда было.

— А зачем менять?

— Пока не знаю. Посмотрим, что предложат. Может, мне понравится.

Она открыла дверь. Фанни вошла первой и сразу постои-

ронила, пропуская выходявшую покупательницу. Внутри было тепло. Фанни сняла перчатки и только теперь заметила, что всё это время держала их у груди, словно собиралась просить продавщицу о каком-то одолжении.

— Два лимонных? — спросила Мадлен.

— А вам?

— Мне тоже одно.

— Тогда два, — сказала Фанни продавщице.

* * *

В салоне ещё пахло краской. На стекле золотилась надпись «Новая внешность к вашему вечеру». Через открытую дверь была видна узкая скамья, большое зеркало и ширма, за которой кто-то разговаривал.

Молодой человек выглянул им навстречу. В руке у него был Толкователь.

— Добрый день. Мне нужно закончить с клиенткой. Подождёте немного?

— Подождём. Мы пока только посмотреть, — сказала Мадлен.

Он кивнул и скрылся за ширмой. Оттуда донеслось:

— Теперь повернитесь. Нет, лицо можно не держать неподвижно. Улыбнитесь, пожалуйста.

Мадлен села и развернула пакет. Фанни устроилась с краю, оставив между ними место для сумочек.

— Я сегодня была у Феликса, — сказала она.

Мадлен перестала разворачивать бумагу.

— Принял?

— Да. Без записи. Я думала, только поговорим немного, а он ещё на осмотр отправил.

— Вы сходили?

— Сходила. Сейчас уже лучше. Утром я вообще ничего не могла делать. Даже одеться толком... Вчера съела ваше яблоко и заснула за столом. А до этого тоже уставала, так что я не знаю, из-за него или нет.

— Я свои пока не трогала, — сказала Мадлен. — И, пожалуй, не буду. Он ведь кричал мне что-то про яблоки, хозяин сада. Я к тому времени уже уходила.

Она помолчала, глядя на пакет.

— Хорошо, что вы пошли к Феликсу.

Фанни хотела объяснить, что пошла совсем не за этим. Начала было с «я вообще-то», но Мадлен подала ей пирожное, и она взяла его обеими руками вместе с бумагой.

Глазурь хрустнула, и сквозь её сладость проступил лимон. Фанни слизнула с губ крошку и сразу откусила ещё.

— Ну? — спросила Мадлен.

Фанни подняла палец, прося подождать, пока прожует.

— Теперь понимаю, почему мне тогда ни одного не оставили.

Фанни улыбнулась, но потом опять услышала смех за спиной — тот, у подруг, когда она переписывала письмо и пы-

талась понять, о чём они говорят.

— Я после врача зашла к знакомым. Хотела посидеть. А потом стала помогать с праздником, написала письмо... Они разговаривали, а я всё думала: сейчас закончу. Так и ушла, почти ничего не услышав.

— Они попросили?

— Сначала я сама. А потом попросили ещё отнести письмо. И я сказала, что не отнесу.

Мадлен ждала продолжения.

— Она сказала, что пошлёт с посыльным. Обняла меня. Всё нормально.

— А письмо где?

— У неё осталось.

— Ну и хорошо. А то я уж думала, у вас в сумке.

Фанни улыбнулась, но Мадлен не улыбнулась в ответ: ждала.

— Я ведь могла его отнести. Мне недалеко. Теперь сижу и думаю: зачем я так? Она меня обняла на прощание, а я чуть не вернулась забрать это письмо.

Она опустила глаза на пирожное. Глазурь треснула, кусочек упал на бумагу. Фанни подхватила его пальцем и вдруг почувствовала себя ужасно голодной.

Мадлен убрала сумочку с сиденья.

— Садитесь ближе, здесь спинка есть. Вы совсем на краешке.

Фанни подвинулась и откинулась назад. Дерево упёрлось

между лопаток; она немного поёрзала, устраиваясь, и доела глазурь с бумаги. За ширмой клиентка засмеялась; молодой человек что-то ответил.

На пальцах осталась липкая глазурь. Фанни полезла за платком и увидела конверт.

— Господи, я забыла. Он просил вам передать.

— Феликс?

— Я сама предложила. Письмо уже было готово.

Мадлен вытерла пальцы о бумагу и вскрыла конверт.

«Мадлен,

заглянул вчера в “Под юбкой”, за Рыночной площадью. Можешь смеяться. Представление делают Толкователем, и мне весь вечер казалось, что некоторых дам я встречал при более приличных обстоятельствах. Хотелось бы убедиться, что это только сходство.

Сходишь со мной? Завтра после семи могу. Хотя теперь ты, конечно, захочешь попасть туда раньше.

Феликс».

Мадлен усмехнулась и протянула письмо Фанни.

— Прочитайте. Приглашает меня на вечер.

Фанни взяла листок с улыбкой. На названии заведения улыбка замерла. Она дочитала, вернулась глазами к началу и понизила голос:

— Туда?

— Туда.

— И вы пойдёте?

— Пойду. Посмотрите, как он про знакомых написал. Теперь ведь не усну, пока не выясню, кого он там видел.

Фанни ещё раз прочла про «приличные обстоятельства». Утром она сидела перед Феликсом, с трудом подбирала слова, а он слушал, задавал вопросы... И этот же человек вчера вечером смотрел такое. Конечно, у него была своя жизнь. Но представить его в зрительном зале почему-то оказалось гораздо труднее, чем Мадлен.

— А вас не смущает, что он туда ходит?

Мадлен пожала плечами.

— Меня смущает, что он узнал женщин, а имён не написал. Мог бы хоть намекнуть. У нас с ним столько общих знакомых...

Она потянулась за письмом. Фанни отдала его и расправила на коленях бумагу от пирожного.

— Хотя нет, — сказала Мадлен. — Написал бы имя — я бы уже бежала туда. Ладно, завтра расспрошу. А сегодня пойдёмте со мной.

Фанни подняла голову.

— Вы это серьёзно?

— Вполне. Мне хочется посмотреть. Вам разве совсем не любопытно?

За ширмой задвигались. Фанни дождалась, пока оттуда перестанет доноситься шорох, и придвинулась к Мадлен.

— Я не знаю, как там вообще себя вести. В театре хотя бы понятно: сидишь, смотришь...

— Вот и там посидим, посмотрим.

— Вы понимаете, о чём я.

— Понимаю. Мы идём на представление, Фанни. Больше ничего не обязаны. Если будет скверно, уйдём.

Фанни разгладила бумагу ещё раз. Ей представились тесные ряды, мужские плечи по обе стороны, чьё-то лицо, повернувшееся к ней в темноте.

— Но там ведь одни мужчины?

— Да. Женщин не пускают.

Фанни посмотрела на неё. Мадлен оглядела салон, задержала взгляд на большом зеркале и медленно улыбнулась.

— А мы, кажется, очень удачно зашли... Фанни, а вы мужчин на сцене играли? Дадите мне пару советов?

Из-за ширмы вышла клиентка. У зеркала она поправила волосы и повернулась боком.

— Вот теперь нравится. Оставьте так.

Мастер проводил её до двери. Мадлен дождалась, пока он вернётся.

— Скажите, вы можете сделать нам мужские облики? Такие, чтобы на улице никто не заметил.

Фанни почувствовала, что краснеет. Только бы он не спросил зачем.

— Могу. Но голоса останутся вашими. И одежда нужна мужская.

— Одежду найдём. А сначала посмотреть на себя можно? Ей нужно решить, — Мадлен кивнула на Фанни.

— Конечно. Я покажу варианты, выберете. Только приходите уже в костюмах: образ подбирать удобнее, когда видно всё вместе.

Он подошёл к столику, освобождая место перед зеркалом. Фанни тронула Мадлен за рукав.

— Вы хотите, чтобы мы переоделись в мужчин и пошли посмотреть на голых женщин?

Мадлен склонилась к ней.

— Да. Только скажите ещё чуть громче, а то он, кажется, не расслышал.

Фанни прижала ладонь ко рту. Мастер продолжал представлять что-то на столике, и она не могла понять, слышал ли он. Мадлен уже тихо смеялась рядом; Фанни толкнула её локтем, не удержалась и тоже засмеялась.

— Перестаньте. Я ведь правда не знаю, смогу ли.

— Сначала примерим. Мне и самой хочется увидеть, что получится. Костюмы у меня дома, два, Феликса. Правда, вы его вкус уже знаете.

Фанни вытерла уголок глаза.

— А если он нас там встретит? В своих костюмах?

— Вот тогда и увидим, хорошо ли нас замаскировали.

— Он же вас узнает. Вы начнёте с ним разговаривать.

— Непременно. Ещё и спрошу, кого он здесь ждёт.

Фанни улыбнулась. Представила, как он обернётся на голос Мадлен, и ей стало жаль, что его, скорее всего, там не будет.

— Может, всё-таки завтра с ним? Он ведь вас позвал.

Мадлен посмотрела на неё с прищуром.

— Фанни. Если мне понадобится ещё раз выйти замуж, обещаю сначала сообщить вам. А сегодня я вас зову. Пойдёмте?

Фанни взглянула в зеркало. Щёки горели; мастер наверняка всё понял. Но уходить ей не хотелось. Хотелось ещё немного посмеяться с Мадлен — и узнать, какой мужчина получится из неё самой.

— Давайте попробуем, — сказала она. — Только я хочу сама выбрать лицо.

Глава 4. Костюм бывшего мужа

Мадлен жила совсем близко. Фанни запомнила номер дома ещё до того, как они подошли к двери.

В спальне Мадлен открыла шкаф и отодвинула платье. На дальней перекладине висели два мужских костюма.

— Он забрал не всё. Эти оставил до следующего раза.

— До следующего...

— Приезда за вещами, — сказала Мадлен. — Давайте пока так.

Фанни отвела глаза, но улыбку скрыть не успела.

Мадлен сняла тёмно-зелёный пиджак в широкую сливовую полосу и разложила на кровати. Второй оказался винным, с золотистыми отворотами; под ним висел жилет с павлиньими перьями. Фанни провела ладонью по ткани. Узор был выткан, и на свету каждый глазок пера менял цвет.

— Красивый шёлк.

— Не говорите этого при Феликсе. Он услышит только слово «красивый».

Фанни подняла жилет к себе и посмотрелась в зеркало.

— Для сцены я бы взяла.

— А он брал для ужина. Впрочем, сегодня и у нас почти представление. Примеряйте винный, а я возьму этот.

Мадлен нашла рубашки и ремни. Они переодевались каждая у своего края кровати; Фанни сложила платье, потом раз-

вернула, чтобы вынуть платок из кармана. На постель выпал листок со временем приёма. Она убрала его в сумочку и взяла брюки.

Феликс был на добрых полголовы выше Мадлен. Она стояла перед зеркалом, подняв руки: манжеты всё равно закрывали пальцы. Фанни сначала подвернула штанины, потом затянула ремень и тоже повернулась к зеркалу. Пиджак пока надевать не хотелось — и без него было достаточно просторно.

— Жилет вам идёт, — сказала Мадлен. — Посмотрите сбоку.

Фанни шагнула. Один подворот распустился, туфля зацепилась за ткань. Она попыталась высвободить ногу и упала на колени, успев выставить ладони.

— Не вставайте пока.

Мадлен уже присела рядом и отворачивала штанину от каблука.

Фанни перевела дыхание, села на пятки. Колено саднило. Она осторожно согнула ногу, затем другую.

— Цела?

— Да. Только обидно. В театре в шлейфе по лестнице бегаю.

Мадлен помогла ей подняться. Фанни посмотрела в зеркало: серьёзный винный жилет, дорогая рубашка и её собственное возмущённое лицо. Она засмеялась, сначала тихо, потом уже не могла остановиться. Мадлен тоже начала сме-

яться, всё ещё держа её за локоть.

— Сядьте, я подержу, — сказала Мадлен, подбирая с пола брючину. — И давайте сразу обе. Я тоже уже наступила на свою.

Фанни села на кровать и достала Толкователь. Мадлен подвернула штанину до щиколотки. Фанни обхватила устройство ладонью, сосредоточилась на ткани, и подворот закрепился. Вторую ногу она подставила сама.

Фанни потянула за подворот. Держался.

— «Брюки не обрезайте. Вам их ещё возвращать».

— Я и не собиралась, — сказала Мадлен.

— Да нет, это мне сегодня сказали. На улице, перед тем как я вас встретила. Мы про духи разговаривали, и вдруг — про брюки. Я ещё на платье своё посмотрела.

Мадлен отпустила рукав, с которым возилась.

— Подождите. Кто сказал?

— Женщина у лавки. Немолодая, полная, говорит тихо. От неё так пахло корицей, что я сначала булочную искала. Оказалось, она сама делает духи. Извела все накопители, а запах всё равно получился слишком сильный. Шла за новыми.

— Уж не жена ли Северина? Очень похоже на неё. Увлечлась Восточными островами, теперь всё пробует — масла, духи... Но чтобы ещё и чужие брюки предсказывать!

Мадлен села рядом и протянула Фанни руку с болтающейся манжетой.

— Северина, который почтовую компанию продал?

— Да. Говорят, после ухода его и не узнать — так поставил.

Фанни расправила складку на рукаве.

— А я думала, он теперь отдыхает.

— Он ведь не собирался продавать. Это после новых законов пришлось уступить часть государству. Потом ещё директором оставался — всё-таки своё дело. А теперь вот купил два Толкователя, себе и жене. У неё, судя по вашей корнице, дело идёт. У него пока не очень, зато замыслов! Я однажды заслушалась и чуть не согласилась помогать.

— С чем?

— Не успела спросить, — Мадлен рассмеялась. — Мы уже обсуждали следующую идею.

Фанни улыбнулась и закрепила манжету.

— Он, кстати, близкий друг Квентина. Того самого, у которого я вчера стащила яблоки. Хотя почему стащила? Взяла для эксперимента. Надо же было проверить, что он вырастил.

Мадлен пересела с другой стороны, всё ещё глядя на брюки Фанни.

— А вы не спросили, откуда она взяла эти брюки?

— Спросила. Она посмотрела на моё платье и сказала: «Простите. Задумалась».

— Задумалась, — повторила Мадлен.

Фанни подтянула второй рукав.

В салон они вернулись уже в костюмах. Мадлен придержала дверь, Фанни переступила порог, глядя под ноги. Молодой человек поднялся им навстречу и без улыбки осмотрел одежду.

— Большевата. Можно поправить.

— Только ничего не обрезайте, — сказала Мадлен. — Вещи чужие.

Фанни и Мадлен переглянулись.

— Понимаю. Снимите пиджаки, пожалуйста.

Он освободил закреплённые подвороты Толкователем и заново уложил ткань. Фанни попросила оставить свободнее у пояса. Теперь она могла сесть и встать, не держась за ремень. Рукава перестали закрывать ладони; в зеркале появились запястья, а плечи встали на место.

Пока мастер подгонял Мадлен пиджак, Фанни ходила по комнате. Всё хотелось придержать юбку, которой не было. Она сунула руки в карманы. Глубокие, удобные — можно было убрать и платок, и листок, и ещё осталось бы место.

— Здесь ведь посуду продавали? — спросила Мадлен.

— Дядя торговал. Я у него за прилавком сидел и шил, пока покупателей не было. Скатерти, фартуки... Повернитесь, пожалуйста.

Он провёл пальцами по плечевому шву, попросил Мадлен

опустить руку и только после этого взял Толкователь. Складка под воротником разгладилась.

— А салон давно открыли?

— На прошлой неделе открылся. А начинал с подгонки одежды. Одна заказчица вертелась перед зеркалом и пошутила: к этому платью ей бы ещё волосы другого цвета. Мы посмеялись, а потом я подумал: почему не попробовать? С волосами повозился, зато она потом подругу привела. Той брови хотелось потемнее, другой — нос покороче. Понемногу и набил руку, теперь могу всё лицо изменить. На время, конечно. Но им того и надо: вечером выйти в новом облике, а потом снова быть собой.

Мадлен посмотрела на него в зеркало.

— Недавно про эти жезлы только и разговоров было, а теперь куда ни зайди — кто-нибудь уже дело открыл. Вы хоть фартуки успели дошить?

— Один ещё лежит. Женщина теперь сюда приходит, каждый раз напоминает.

Фанни улыбнулась. Мастер отступил, осмотрел пиджак и снова подошёл к Мадлен.

— Здесь ещё тянет. Поднимите руку.

— Я думала, уже готово.

— Пока вы стоите — готово. А вам ещё двигаться.

Он поправил ткань под мышкой и попросил повторить движение. На этот раз воротник остался на месте.

Он закончил с пиджаком и отступил, давая ей рассмот-

реть себя.

— Теперь какой облик вы хотите?

— Мужской, — ответила Мадлен.

— Это я понял. Моложе, старше? Есть что-нибудь определённое?

Мадлен оглянулась на Фанни.

— Давайте сначала вы. Я пока посмотрю.

Молодой человек показал над столиком образ мужчины: прямой нос, тёмные брови, волосы гладко убраны назад. Фанни подвинулась ближе.

— Слишком сердитый. Уберите вот здесь складку. И волосы пусть будут свободнее, он же не в контору собрался.

Мастер изменил образ и повернул его боком.

— А нос можно чуть... — Мадлен показала пальцем. — Нет, теперь слишком короткий. Верните немного. Вот.

Фанни обошла столик.

— Мне нравился прежний.

— Посмотрите с этой стороны. Только подбородок надо отчётливее. И глаза не так широко. Совсем чуть-чуть.

Молодой человек поворачивал образ, Мадлен просила то вернуть прежнее, то оставить новое. Фанни уже собиралась напомнить, что лицо выбирают ей, но вдруг пригляделась.

— А брови? — спросила Мадлен. — Вот здесь немного приподнимите.

Образ повернулся к ним. Фанни посмотрела на Мадлен. Та довольно улыбалась.

— Вот! Прекрасное лицо. Оставляем.

— Мадлен, это Феликс.

Мадлен снова посмотрела на образ. Наклонила голову, разглядывая его сбоку.

— Ну... он красивый мужчина.

Фанни не выдержала и рассмеялась.

— Я вижу. Но я не хочу быть вашим бывшим мужем.

— Тогда я возьму, — сказала Мадлен. — Оставьте этот для меня, пожалуйста. А ей давайте другой.

Фанни попросила вернуть первый облик. Смягчила подбородок, выбрала другую причёску и повернулась к Мадлен. Та подняла ладони: молчу.

— Теперь можно на мне?

Он дал ей узкую ленту с вязью и попросил завязать на запястье. Взял Толкователь, сосредоточился; в зеркале вместо Фанни оказался молодой мужчина в винном костюме.

Фанни наклонилась к отражению. Провела пальцами по щеке: под рукой оставалась её собственная скула. Улыбнулась. Мужчина улыбнулся вместе с ней, и она ещё раз улыбнулась, уже нарочно, проверяя, как это выглядит.

— Голос ваш, — напомнил мастер. — И тело тоже. Внешность — только образ.

— С голосом я разберусь.

Фанни расправила плечи, вынула руки из карманов и протянула одну Мадлен.

— Вы позволите?

Голос прозвучал ниже, с неторопливой уверенностью. Мадлен вложила пальцы в её ладонь и вдруг остановилась, разглядывая лицо.

— Вот этого оставьте. С ним я пойду.

Фанни поклонилась над её рукой. Мадлен засмеялась и забрала руку прежде, чем та успела её поцеловать.

— Теперь моя очередь.

Мадлен заняла её место перед зеркалом и протянула ма-стеру запястье. Он закрепил ленту, взял Толкователь. Лицо Феликса, которое они только что разглядывали над столиком, появилось в зеркале.

Мадлен повернула голову, любясь профилем, потом поправила галстук. Фанни смотрела на неё, прикусив губу.

Мадлен поймала её взгляд в зеркале и спросила своим обычным голосом:

— Ну что, годится?

Фанни зажала рот ладонью.

— Нет, подождите. Скажите ещё раз, только не так высоко.

Мадлен попробовала басом и закашлялась.

— Не давите, — сказала Фанни. — Чуть ниже, чем обычно. И не спешите. Вам никуда не нужно успеть.

— Мне как раз нужно, — возразила Мадлен, но повторила медленнее.

Фанни кивнула.

— Вот. Так лучше.

Мадлен повернулась к зеркалу и ещё раз произнесла «Ну что, годится?», слушая себя. На этот раз Фанни не засмеялась.

Мастер попросил их развязать ленты. Образы исчезли. Потом они завязали их снова и убедились, что справляются сами.

— Теперь о времени, — сказал он. — Обычно держится от трёх до шести часов. Образ поддерживается вашим средоточием. У кого запас больше и кто сегодня меньше колдовал, у того дольше. Если начнёте чувствовать опустошение, голод — пора снимать или подпитывать извне.

— Из Толкователя можно? — спросила Фанни.

— Если в нём есть запас. Можно и из накопителя. У меня небольшие есть напрокат.

— Возьмём два, — сказала Мадлен. — Не хочу торопиться домой из-за лица.

Он показал, как пользоваться накопителями, и дал каждой повторить. Фанни убрала свой в карман; Мадлен попросила ещё раз показать, как проверить, что подпитка пошла. Своё кольцо на цепочке она спрятала под рубашку.

— Сумочки у вас оставим? — спросила Мадлен, расплачиваясь. — На обратном пути заберём.

Мастер кивнул. Мадлен придержала дверь, и Фанни вышла первой.

На улице уже смеркалось. Мужчина с папкой попросил Фанни посторониться, назвав её сударем, и прошёл мимо. Она оглянулась ему вслед. Мадлен взяла её под локоть.

— Ну? Даже не посмотрел.

— Зато вы всё время на меня смотрите. И улыбаетесь.

— Мне нравится, что получилось.

Фанни тоже улыбнулась, но, когда Мадлен снова заговорила, чуть сжала её локоть.

— Не старайтесь так басить. Вам неудобно, я слышу. В салоне лучше было.

— Здесь шумно.

— Тогда подойдите ближе. И не торопитесь договорить. Вы в конце каждой фразы опять становитесь собой.

Мадлен наклонилась к ней.

— Так лучше?

Фанни кивнула.

— Теперь скажите что-нибудь длиннее.

Мадлен подумала, потом с серьёзным лицом произнесла:

— Сходишь со мной? Завтра после семи могу.

Фанни засмеялась и отвернулась, прикрыв рот.

— Ну вот, — сказала Мадлен уже своим голосом. — Теперь вы нас выдаёте.

Они остановились у закрытой лавки, пропуская тележку.

В тёмном стекле Фанни увидела их отражения. Мадлен тоже заметила и поправила галстук.

— А руками что делать?

— Оставьте галстук в покое для начала. Всё время проверяете, на месте ли он.

Мадлен сунула обе руки в карманы.

— Так?

— А теперь предложите мне руку. Мы ведь вместе пришли.

Мадлен вынула руку и предложила Фанни локоть. Та взялась за него, всё ещё разглядывая их в стекле.

— Вот так мне больше нравится.

До Рыночной площади они шли медленнее. Мадлен рассказывала про редактора, который вычеркнул лучший кусок из её статьи. Иногда увлекалась, и Фанни касалась её рукава; Мадлен понижала голос, не прерывая рассказа. Вскоре Фанни перестала слушать, как он звучит, и спросила, что же было в вычеркнутом куске.

За площадью лавки уже закрылись. Они прошли вдоль тёмных окон, заглянули в один двор, вернулись. Мадлен достала письмо, ещё раз прочла «за Рыночной площадью» и сердито сложила его.

— Мог бы написать подробнее.

— Может, поэтому и звал с собой?

Но Мадлен уже смотрела через улицу. Из экипажа вышли двое мужчин. Кучер остался на козлах; пассажиры подня-

лись на низкое крыльцо между закрытой конторой и узким проездом. Один коротко постучал. Дверь открылась, на мостовую лёг свет и тут же исчез.

На крыльце не было ни афиши, ни вывески. Высокие тёмные двери поднимались почти до второго этажа; латунный молоток был отполирован там, где его брали рукой. Мадлен постучала, и одна створка бесшумно приоткрылась.

Их встретила женщина в длинном чёрном платье. Она подождала, пока войдёт Фанни, закрыла дверь и повернулась к ним.

— Добрый вечер, доктор.

Фанни стиснула локоть Мадлен. Та накрыла её пальцы ладонью.

— Добрый вечер, — ответила она чуть ниже обычного.

Женщина улыбнулась гостям и протянула небольшой поднос.

— Толкователи, пожалуйста.

Мадлен первой достала свой. Золотистые дельфины обвивали рукоять, поддерживая перламутровый цветок; из его середины выступал лиловый камень. Один из хвостов зацепился за край кармана. Мадлен высвободила его и положила устройство на бархат подноса.

Встречающая чуть задержала на нём взгляд.

— У вас новый? Вчера был другой. Но этот тоже сразу узнаешь.

— Люблю разнообразие, — сказала Мадлен.

Фанни поспешила положить рядом свой Толкователь. Женщина убрала оба в ячейку за стойкой, повернула ключ и вручила Мадлен номерок.

— На выходе верну. Прошу за мной.

Она направилась к лестнице. Фанни ещё раз взглянула на стойку и пошла следом, чувствуя в кармане тяжесть взятого напрокат накопителя.

После улицы здесь было так тихо, что слышалось, как платье встречающей скользит по ступеням. Музыки не было. Не было ни смеха, ни голосов. Фанни зачем-то ступала осторожно, хотя её туфли и без того почти не стучали по ковровой дорожке.

По обе стороны от неё белел мрамор, пересечённый тонкими серыми жилками. Лестница плавно поворачивала; с середины уже не было видно входных дверей. Фанни положила ладонь на прохладные перила и подняла глаза. Наверху горели лампы под матовыми плафонами. Их свет ложился на обнажённые плечи и склонённые головы мраморных фигур вдоль стены.

Мадлен шла рядом. На повороте она наклонилась к Фанни, словно собиралась что-то сказать, но встречающая оглянулась, и обе выпрямились. Женщина лишь показала на верхнюю площадку.

— Сюда, господа.

Проход закрывали бархатные портьеры глубокого винного цвета. Вблизи стало слышно музыку — пока только низ-

кие ноты, почти неразличимые за тканью. Женщина взялась за край портьеры, отступила и пропустила их.

Свет ударил в глаза. Фанни остановилась, успев увидеть женщину в перьях прямо перед собой, и только через мгновение поняла, что смотрит в зеркало. Настоящая была далеко, на возвышении, а между ними двигались люди, поплёскивали бокалы, тянулись дымные полосы. В зеркалах зал продолжался ещё и ещё; Фанни не сразу нашла, где кончается отражение и начинается проход.

Над столиками медленно поворачивались светящиеся образы танцовщиц. Они были не больше ладони. Одна запрокинулась в смехе; её пышная юбка распалась на лепестки, открывая голые бёдра. Сидевший под ней мужчина поднял бокал, словно предлагая ей выпить. Его сосед даже не оторвался от разговора.

Пахло табаком, сладкими духами и горячим воском. Музыка теперь звучала совсем близко; Фанни чувствовала её ритм в ступнях. Она перевела взгляд на сцену. Перья разошлись, показалась длинная нога в чёрном чулке, блеснула пряжка — и снова всё закрылось, прежде чем Фанни успела рассмотреть.

Она хотела сказать что-то Мадлен, но та уже смотрела в другую сторону. Фанни проследила за её взглядом и увидела ещё один помост между колоннами. Хотелось взять Мадлен за руку. Вместо этого она сунула руки в карманы и придвинулась к ней поближе.

Глава 5. Предварительные испытания

Феликс успел выпить половину чашки, прежде чем понял, что принесли ему вино.

Оно было молочно-белым, прохладным, пахло рисом и чем-то цветочным. Кувшинчик был круглый, с коротким носиком и без ручки. Феликс обхватил его ладонью и долил себе ещё: чашку недоливали даже до середины, словно боялись, что гость захлебнётся.

За соседним столом юноша в коротком пиджаке кормил девушку с ложки. Девушка смеялась, закрывала рот ладонью и всё-таки ела. На столе у них стояли такие же кувшинчики, только глазурь была зелёная. Вдоль стены сидела шумная компания; там спорили, что именно подали под видом перепелиных яиц, и не позволяли официантке отвечать.

Феликс снова посмотрел меню. Вина занимали обе стороны узкого листка. Еда помещалась внизу и называлась «К вину».

Здесь Северин и предложил встретиться.

На соседнем стуле лежала папка с рисунками. Феликс положил на неё руку, потом убрал. Рисунки он принёс хорошие, разговор подготовил обстоятельно; тем досаднее было сидеть среди людей, которым для приятного вечера не тре-

бывалось обосновывать своё присутствие.

Из окна открывался вид на переулок за Рыночной площадью. Закрытая контора. Узкий проезд. Высокая тёмная дверь с латунным молотком.

Он узнал её не сразу: вчера подъехал с другой стороны.

Мадлен наверняка уже получила письмо. Если получила, то вряд ли станет ждать до завтра. Придёт сегодня, обнаружит, что женщин не пускают, и начнёт выяснять, кто именно это придумал. Ей объяснят. Она потребует позвать человека, придумавшего первым.

Феликс отпил вина.

Он ведь предложил пойти вместе. Написал совершенно внятно, когда свободен. Можно было хотя бы ответить.

— Доктор, простите! Я вас вижу, только никак к вам не доберусь.

Северин стоял у входа, придерживая стул незнакомой девушки, которая встала его пропустить. Между столиками было тесно; по пути он успел обменяться несколькими словами с официанткой, уступить дорогу подносу и подобрать уроненную перчатку. К Феликсу он подошёл уже улыбаясь, но сел осторожно, опираясь ладонью на край стола.

— Как вам здесь? Я всё собирался заглянуть. Жена говорит, теперь везде подают не то, что заказываешь, и именно за это берут деньги. Решил проверить.

— Пока мне принесли вино в посуде для сливок.

— Значит, с главным не обманули.

Они пожали руки. Северин потянулся было к кувшину, заметил, что чашка одна, и подозвал официантку.

— Нам ещё такую же, пожалуйста. И поесть. Что у вас есть существенного?

— Могу предложить камни с сырным кремом и томаты.

Северин подождал продолжения.

— А из горячего?

— Тёплые камни.

Феликс опустил меню.

— Несите, — решил Северин. — Только расскажите, что кушать, а что оставить вам.

Когда она отошла, он снял перчатки и сложил их рядом. Одна оказалась внутри другой. Северин вытряхнул её, снова сложил и наконец посмотрел на папку.

— Ну, показывайте. В письме вы меня заинтриговали. От психиатра предложение об устройстве загородного отдыха я получаю впервые. Обычно хотят денег на крышу.

— Я хочу устроить место, куда люди будут приезжать ради приключений. И платить за них достаточно, чтобы мне не приходилось каждый год снова просить денег.

— Уже лучше.

Феликс отодвинул чашку, развязал тесёмки и достал верхний лист.

Северин склонился над рисунком. На берегу озера стояли хижины с высокими кровлями; между деревьями тянулись мостки, а посреди поляны горел огромный костёр. Люди во-

круг него были одеты скупо. В углу Феликс нарисовал образец праздничного головного убора: перья, рога, длинные подвески.

Северин задержался на нём.

— Это носить?

— Для одной из церемоний. Впрочем, подробности ещё можно изменить.

— Я не возражаю. Просто рассчитываю высоту дверей.

Феликс придвинул к нему второй лист.

— Представьте несколько дней, в течение которых от вас никто не ждёт, что вы будете собой. Никаких должностей. Никаких визитов, обязательных разговоров, людей, которым непременно нужно ваше решение. Вы выбираете себе роль. Охотника, странника, строителя. Можете вообще ничего не выбирать и сначала посмотреть. У нас будет достаточно хороших исполнителей, чтобы приключение продолжалось и без вашего участия.

— Исполнителей?

— Настоящих людей. Актёров. Кто-то должен вести игру, замечать, что гость растерялся, менять ход событий. Одними красивыми изображениями этого не сделаешь. Толкователи помогут устроить место, которого больше нигде нет.

— И ради этого люди поедут жить в шалашах?

— Ради этого они и сейчас уезжают на охоту. Только потом снова сидят за столом в порядке старшинства и рассказывают друг другу те же истории. Я предлагаю хотя бы на

несколько дней избавить их от этой необходимости.

Принесли томаты. Маленькие, блестящие, с зелёными хвостиками, они лежали на чёрной плитке, посыпанной крупной солью. Северин положил один в рот и перестал жевать.

— Клубника, — пояснила официантка. — А белое — сахар с базиликом.

— Хорошо, что я не успел попросить перцу.

Он доел, взял второй и подвинул блюдо к Феликсу.

— Попробуйте. Очень недурно. Но я вот зачем спрашиваю про шалаши. У человека дома ванна, повар, мягкая постель. Он будет рад стать охотником ровно до той минуты, когда захочет вымыться. Что вы с ним тогда сделаете?

— Дам вымыться.

— Где?

Феликс развернул третий лист. Северин посмотрел, перевёл взгляд на него и впервые рассмеялся.

— Так у вас там целые купальни! А я-то думаю, зачем дикарям такое длинное здание.

— Они не дикари. Это гости, которые играют. Я не намерен проверять их характер отсутствием горячей воды.

— И правильно. Тёплый нужник сохранит вам больше клиентов, чем все рога вместе взятые.

Он отодвинул от чертежей кувшин, чтобы не задеть, и развернул план удобнее.

Феликс немного ослабил узел галстука.

— Мне важно другое. Бывает, человек годами запрещает себе вещи, которые никому не повредят. Смеяться громко. Первым заговорить с незнакомым. Попросить, чтобы о нём позаботились. Ему это кажется едва ли не неприличнее злости. Злиться ещё можно: уважаемый человек недоволен. А прыгать через ручей, потому что захотелось, — уже стыдно.

— Я через ручьи и без вашей деревни прыгал. Теперь просто колени жалко.

— Поэтому я и разговариваю с вами о предприятии, а не ставлю вам диагноз.

Северин кивнул, как будто именно этого и ждал.

— Продолжайте.

— В ролевой работе иногда удаётся обойти такой запрет. Не убедить человека, что он имеет право, — он это и так способен повторить. Дать ему попробовать. Кто-то не может произнести простую просьбу от себя, а за выдуманного человека говорит свободно. Иногда после этого получается и от своего имени. Иногда — нет. Он прекрасно сыграл, получил удовольствие, а дома опять промолчал.

— Тогда зачем всё это?

— Затем, что второе не отменяет первого. Но называть его вылеченным я бы не стал.

Северин пожевал последний томат. Феликс видел, что ответ его не разочаровал; тот вернулся к плану и провёл пальцем вдоль нарисованной тропинки.

— Допустим. Только ваш человек, который не умеет про-

силь, и в лесу будет всем дрова таскать. А остальные очень довольны. Им и в голову не придёт, что вы что-то лечите.

— Вот поэтому там нужны люди, которые умеют видеть дальше охапки дров.

— Это уже не просто актёры.

— Нет. И я не собираюсь объявлять каждого посетителя пациентом. Приключение само по себе стоит денег. А возможность работать с отдельными людьми иначе, чем в кабинете, меня интересует отдельно.

— Отдельно и считайте, — сказал Северин. — Не то у вас будет лечебница, которую рекламируют как отдых, и отдых, за который доктор не разрешает выставить счёт.

Феликс хотел возразить, но Северин уже искал в кармане карандаш.

* * *

Камни оказались тонкими хрустящими оболочками. Северин раскусил первый слишком решительно. Тёплый сыр попал на манжету, но он уже наклонился над рисунком поляны.

— Лес я понимаю, — сказал он. — Сам на воздухе лучше соображаю. А вот эти ваши танцы вокруг костра... Вы ведь всерьёз их нарисовали?

— Вполне. Только костёр будет меньше. На рисунке он получился выразительнее, чем следовало.

— Люди платят, чтобы приехать, раздеться и потопать?

— Вы сейчас заплатили, чтобы вас накормили камнем.

Северин взял с блюда ещё один камень.

— Кстати, принесите нам ещё, — попросил он проходившую официантку. — Тех же самых. И вина.

— В описаниях групповых опытов есть любопытная вещь, — продолжил Феликс, когда она отошла. — Люди делают вместе что-то очень простое. Двигаются в одном ритме, поют. После этого легче сотрудничают даже в совсем другом деле. Не обязательно сначала полюбить друг друга.

— Маршируют, например.

— Например. Поэтому я не стал бы приписывать общему ритму исключительно благотворное действие. Подчиняться сообща тоже бывает легче.

— Значит, петь можно, а назначать вождя осторожнее.

— Особенно пожизненного.

Северин улыбнулся краешком рта и наконец нашёл карандаш — в том самом кармане, который проверял первым.

— А лес?

— По прогулкам и работе на природе есть врачебные наблюдения. Людям бывает лучше. Но попробуйте разобраться, от чего именно: от прогулки, от того, что неделю спали, от общества или от того, что уехали от собственного семейства. Я не хочу продавать лес как лекарство от всего.

— Лес как лекарство покупать станут охотнее.

— Знаю.

Феликс сказал это так сухо, что Северин поднял глаза.

— Ладно, доктор. Я ведь не предлагаю вам врать. Мне нужно понять, что вы хотите построить. Пока у вас всё сразу: театр, гостиница, купальни, лечебная работа. Ещё вот этот человек с рыбой. Что он делает?

— На рисунке? Отбирает.

— У кого?

— У другого участника. Состязание.

— А поужинать дадут обоим?

— Разумеется.

— Так и напишите. А то я уже начал сочувствовать второму.

Феликс перевернул лист, на обороте которого были записаны расходы. Северин перестал улыбаться.

Он читал долго. Дважды возвращался к одной строчке, затем поставил рядом вопросительный знак.

— Здесь вы считали только жалованье?

— Да.

— А проживание сотрудников? А дорогу? Прачечную? Вы же не будете каждый вечер отправлять из леса сорок человек домой.

— Я пока не знаю, сколько их понадобится.

— Вот это и надо выяснить прежде всего. Не цену рогов.

Карандаш ходил по бумаге быстро, оставляя жирные следы. Феликсу хотелось вернуть лист: аккуратные столбцы исчезали под стрелками. Он удержался.

— Не обязательно строить всё сразу, — сказал Северин.
— Возьмём участок, где уже есть дом. На первых гостях посмотрим, где вы просчитались. Выяснится, например, что вашим охотникам после ужина хочется не обряда, а ещё ужина.

— Вы уже нашли участок?

— Нет. Но я знаю, как искать. А вы — людей, которые умеют делать всё, что нарисовали?

Феликс покачал головой.

— Часть. С остальными придётся разговаривать.

— Тогда сначала разговаривать. И вот эту тропу уберите. По ней продукты возить нельзя, она у вас гостей насквозь пересекает.

— Это тропа посвящения.

— Тем более. Идёт человек посвящаться, а навстречу ему телега с бельём.

Феликс представил собственный рисунок: факелы, длинные тени, появление из темноты фигуры в рогатом уборе. Телега между ними действительно была лишней.

— Служебную дорогу можно пустить здесь.

Он потянул лист к себе. Северин придержал угол.

— Там уклон. Раз уж у вас озеро ниже, незачем гонять всё через холм. Подвиньтесь, я покажу.

Северин пересел на соседний стул. Папка, которая прежде лежала между ними, теперь была раскрыта перед обоими. Официантка принесла второй кувшин и спросила, куда его поставить. Они ответили одновременно, каждый указав на

чужую чашку.

Она нашла место сама.

— А откуда появилось всё это? — спросил Северин, когда они наконец согласились насчёт дороги. — Только не говорите, что вы с детства хотели построить деревню.

Феликс собрал пустые блюдца, освобождая край листа.

— Мне нужно содержать несколько мест для людей, которые не могут платить.

— В вашей практике?

— Сейчас я стараюсь устроить их там, где согласны принимать. Иногда доплачиваю. Иногда удаётся договориться. Потом меняются условия, и всё начинается заново. Есть люди, которым помощь нужна долго. У них заканчиваются деньги, у родственников — силы. Врач, если очень захочет, всегда может объяснить, почему дальнейшие усилия бесполезны.

— А вы не можете?

— Объяснить могу.

Северин перестал крутить карандаш.

За стеной рассмеялись. Кто-то требовал показать повара, чтобы убедиться, что он тоже настоящий.

Феликс потянул к себе чашку и обнаружил, что держит северинову. Поставил обратно.

— Я не рассчитываю, что каждый такой человек однажды вернётся домой совершенно здоровым. Но я хочу иметь возможность не выписывать его в тот день, когда стало нечем платить. И да, мне интересно попробовать другую работу. Я

не собираюсь всю жизнь переставлять кресла в кабинете и надеяться, что на этот раз разговор пойдёт иначе.

Северин помолчал, разглядывая исписанный оборот.

— Тогда ваша доля на эту помощь должна быть заложена с самого начала. Не «если что-нибудь останется». Я вам завтра объясню, что надо посчитать. Сегодня толку уже немного.

Он подвинул свою чашку Феликсу.

— Берите, вы всё равно из неё пили.

— Ещё нет.

— Ну так пейте.

Вино было прохладным. Феликс выпил и только потом заметил, что Северин снова взял карандаш.

— Ещё вот что. Нельзя запирать людей в одном занятии. Я, может, с утра хочу строить, к обеду ловить рыбу, а вечером вообще уйду. Не из вашего парка. Из племени. Мне надоест вождь.

— Которого вы сами назначили.

— Тем более. Я за него отвечать начну.

— Тогда можно сделать несколько поселений. Переход между ними — тоже приключение. С проводником или без, по выбранной дороге.

— И возможность присоединиться к другим! Не наказывать же человека за то, что ему скучно с теми, с кем он приехал. Пусть идёт дальше, ночует на новом месте. Только вещи должны его там ждать.

— У охотника будет сундук?

— Доктор, если человек заплатит, я доставлю ему сундук хоть на дерево. Вопрос, захочет ли он после этого считать себя охотником.

Феликс засмеялся. Северин подхватил и сам удивился, как громко получилось: девушка за соседним столом обернулась.

— Простите, — сказал он ей и тут же вернулся к плану. — А можно приехать без знакомых? Совсем. Чтобы не встретить никого из тех, кто потом будет напоминать, как ты просил другого человека развести костёр.

— Это придётся предусмотреть.

— И лица, — добавил Северин. — Теперь ведь меняют. Кто хочет — пусть приезжает в другом. Не для того, чтобы безобразничать. Просто чтобы его оставили в покое.

Феликс посмотрел на рисунок. Он представлял людей без знаков прежнего положения, но лица у них всё время оставались собственными.

— С этим надо осторожнее. Человек может так и провести всё время, прячась.

— А может, первый раз за десять лет потанцевать, потому что никто его не узнает. Вы сами только что рассказывали.

— Да, — сказал Феликс. — Рассказывал.

Северин откинулся, удовлетворённый. Рукава были закатаны, ворот расстёгнут. На столе стояли три пустых кувшинчика. Четвёртый Феликс считал вторым, пока официантка не начала их убирать.

— Дайте сюда ещё чистый лист, — попросил Северин. — А то мы всё поверх вашего озера построили.

Они придвинули стулья вплотную. Северин рисовал новую дорогу, Феликс объяснял, почему нельзя заранее распределять людей по «звериным характерам».

— Человек приехал попробовать быть другим, а мы его ещё у ворот объявили кабаном. Великолепное начало.

— Тогда пусть сам выбирает. Я бы, например, попробовал летать.

— Летать мы никому не обещаем.

— Да не в воздухе. Вы же говорите — играть. Как дети. Можно быть кем угодно, только все должны согласиться.

— Если вы согласны не кормить своих гостей гусеницами...

— Пчёлы! — Северин стукнул карандашом по листу. — Вот кто у нас будет. Цветы, лето, никто никого не ест. Целый день на воздухе.

— И непрерывно работают.

— Хорошо, не пчёлы. Я ещё подумаю.

Он рассмеялся, отодвинул чашку локтем и едва не смахнул её. Феликс поймал, поставил дальше и поднял глаза на окно.

По другой стороне улицы шёл он сам.

Феликс замер с чашкой в руке.

Его собственное лицо повернулось к спутнику — невысокому худощавому молодому человеку в винном костюме. На

жилете поoblёскивали вышитые перья. Рядом с ним второй Феликс, заметно ниже ростом, нёс на себе зелёный пиджак с золотой отделкой.

Оба костюма оставались у Мадлен.

Он ещё успел увидеть, как зелёный Феликс поправил галстук, наклонился к спутнику и что-то сказал. Тот засмеялся, отвернулся. Они пошли дальше, взявшись под руки.

— Доктор? — позвал Северин. — Вы меня слышите?

— Кто-то уже примеряет новые роли. Пока мы с вами считаем прачечную.

— Где?

Феликс поставил чашку.

— Через улицу. Зелёный пиджак. Посмотрите на лицо.

Северин перегнулся через него, прищурился и медленно обернулся.

— Это вы?

— Я здесь.

— Да я вижу! Господи, даже выражение... Только маленький какой-то.

Там, через улицу, его лицо исчезло в тёмной двери. Следом вошёл человек в винном костюме.

Феликс встал.

— Кажется, моя бывшая жена нашла способ не ждать до завтра.

— В вашем виде?

— И в моей одежде.

Северин посмотрел на него, потом снова на дверь. На лице у него медленно разливалось такое удовольствие, что Феликс счёл необходимым уточнить:

— Я не нахожу это смешным.

— Я тоже, — сказал Северин и не выдержал.

* * *

Пока рассчитывались, смех Северина прошёл. Он никак не мог застегнуть пуговицу: попадал ею не в ту петлю, вынимал, начинал заново. Феликс собрал чертежи, проверил, не осталось ли листов под блюдами, и только потом заметил,

что папку держит Северин.

— Давайте я понесу, — сказал тот. — А то вы её второй раз упаковываете.

На улице было прохладно. Феликс постоял, дожидаясь, пока перестанет качаться мостовая, и рассердился на кувшинчики. Следовало подавать нормальные бутылки. По бутылке хотя бы видно, сколько выпито.

Феликс посмотрел на кольцо. Парное ему Мадлен после развода носила на цепочке: с их помощью они могли подать друг другу сигнал, позвать на помощь.

Позвать её сейчас? Из-за двух костюмов? Он представил, с каким лицом она выйдет. Нет уж, сперва он увидит сам, что она там делает.

У двери Северин уступил ему место.

— Вы уж начинайте. Здесь вас, по крайней мере, знают.

Женщина в чёрном открыла на стук, посмотрела на Феликса и перевела взгляд куда-то за его плечо.

— Доктор? А когда вы успели выйти?

— Я ещё не входил.

— Простите, но я сама вас...

Она оборвала себя. Северин за спиной Феликса попытался незаметно опереться на дверной косяк и промахнулся ладонью. Пришлось сделать шаг вперёд. От него пахло вином.

— Боюсь, сегодня мы не сможем вас принять, господа.

Феликс посмотрел на неё.

— Вы только что приняли человека с моим лицом.

— Он держался гораздо увереннее.

Северин издал короткий звук и отвернулся.

— Это не имеет отношения к делу, — сказал Феликс. —

Мне нужно с ним поговорить. Позовите его сюда.

Женщина убрала руку с молотка и взялась за край двери.

— Вы можете оставить записку. Или прийти завтра. Но в таком состоянии я не пропущу вас в зал.

— В каком именно?

— Доктор, — негромко сказал Северин.

Феликс повернул голову слишком быстро. Переулок сдвинулся и вернулся на место.

Женщина ждала. Спокойно, без улыбки. Он понял, что сейчас начнёт доказывать незнакомому человеку собственную трезвость, и отступил.

— Завтра, — сказал он. — Непременно.

Дверь закрылась.

Северин взял его под локоть, но сам ступил с крыльца неуверенно. Несколько шагов они прошли молча, поддерживая друг друга, затем уселись на скамью у закрытой конторы. Отсюда была видна дверь.

— Хотите дожждаться? — спросил Северин.

— Сейчас хочу посидеть.

Феликс положил руки на колени. На правом рукаве тянулась тонкая белая полоска от сырного крема. Даже это было не его.

— Она ещё, наверное, расплачивается от моего имени.

— Вряд ли. Деньги-то свои.

— Вы её не знаете.

Северин тихонько хмыкнул.

В переулочек въехал экипаж. Кучер придержал лошадей у дверей; господин в шляпе сошёл, подождал спутника. Их выпустили сразу. Дверь снова закрылась, отрезав полоску света.

— Вот мы придумали, — сказал Северин после паузы. — Приехать без своего лица. Я уже представлял, сколько людей захотят. А чьё им выдавать?

— Лучше такое, какого нет.

— Вы уверены, что его нет? Вообразит мастер приятного человека, а потом окажется, что он на прошлой неделе покупал у этого человека перчатки. Сам не помнит, откуда взял.

Феликс прислонился затылком к стене. Оштукатурено было холодно и шероховато.

— Вчера я здесь видел знакомое лицо. Поэтому и написал Мадлен.

— На посетителе?

— В представлении. Изображение женщины. Лицо очень похоже, а тело... Сначала я не понял, что меня смущает. Потом дошло. У знакомой грудь небольшая. Там её увеличили настолько, что никаким бельём не объяснишь.

Северин больше не улыбался.

— И она об этом знает?

— Я даже не могу утверждать, что взяли именно её лицо. Сходство сильное. Но спрашивать человека, не участвовал ли он случайно в таком представлении, на основании собственного впечатления я не собираюсь.

— А разрешение у неё могли спросить?

— Могли. Я этого тоже не знаю.

Северин потёр подбородок, провёл ладонью по щеке.

— Вот ведь. Я думаю про исполнителей, про жильё, про жалованье. А здесь можно вообще не искать женщину, которой согласишься платить. Придумал тело, поставил знакомое лицо — и продавай. На чужом имени ещё дороже выйдет.

— Только что так продали вход моей жене.

— Вашей жене, возможно, тоже понравится не всё, что она увидит.

Феликс повернулся к нему.

Северин сидел, широко расставив ноги, прижимая папку обеими руками. Говорил он уже тише, но мысль развивал упрямо, словно старался успеть за ней, пока она не ушла.

— Я не про неё сейчас. Про дело. Если это приносит деньги, таких дверей скоро станет много. У первых дорого, у следующих дешевле. Потом пойдут заказы: хочу вот эту знакомую, вот этого человека. И кто им помешает? На детях останутся? С чего бы, если никто не проверяет, что они там показывают?

Феликс выпрямился. В переулке кто-то смеялся, с площа-

ди донёсся звон посуды.

— Не продолжайте, — сказал он.

— Я и не хочу. Но деньги там будут. Очень большие. Я всю жизнь смотрю, за что люди готовы платить. Было бы приятно хоть раз ошибиться.

Он долго искал перчатки, нашёл их в кармане и не стал надевать.

— Удивительно, конечно. Я своим Толкователем толком ничего сделать не могу, а люди уже целые заведения открыли. И ведь дело не в том, что умеют лучше. Они уже знают, что продавать.

Феликс посмотрел на тёмную дверь. Теперь ему хотелось не врываться внутрь, а вернуться сюда с ясной головой. Узнать, кто создаёт представления, что он хранит, чем пользуется. И всё-таки сперва увидеть Мадлен.

— Подождите, — сказал Северин.

Он развернулся на скамье всем корпусом.

— Квентин.

— Что — Квентин?

— Доромио. Толкователи с него начались. Он должен знать, можно ли этому помешать. Закрывать лицо от воспроизведения. Испортить изображение. Не знаю! Для писем печати придумали, для дверей замки. Здесь тоже что-нибудь должно быть.

— Печать не мешает человеку пересказать письмо.

— Вот это вы ему и объясните. Он любит, когда ему объ-

ясняют, что не получится.

Северин поднялся, снова сел и дождался, пока тело согласится с принятым решением.

— Я у него бываю. Поедем.

— Сейчас?

— Он поздно ложится. А мы завтра половину забудем. У вас, между прочим, всё записано на чертежах, кроме самого важного.

Феликс посмотрел на дверь ещё раз. Кольцо оставалось на руке. Мадлен не звала. А он собирался торчать на скамейке, пока она закончит развлекаться в его пиджаке.

— Найдите экипаж, — сказал он. — И не говорите извозчику про пчёл.

* * *

У калитки Северин первым делом потребовал папку.

— Дайте мне. Вы сейчас начнёте с возражений, и мы до утра здесь простоим.

— Папка у вас.

— Да. Всё верно.

Он постучал. Подождал. Постучал ещё раз, назвал себя и открыл незапертую калитку.

В саду было тихо. Под крышей светилось окно, но на зов никто не ответил. Феликс остановился у дорожки, глядя, как Северин уверенно идёт мимо фонтана. Из травы поднялся

запах сырости; где-то плеснула лягушка.

— Здесь не оступитесь, — предупредил Северин. — Ступенька.

Сам он оступился через два шага и сделал вид, что просто решил идти быстрее.

Посреди сада светились маленькие золотые яблоки.

Феликс подошёл ближе. Серебристый ствол разветвлялся низко; плоды висели в тёмной листве, как огоньки под тонким стеклом. На одном поблёскивала капля.

— Золотая китайка? — спросил он.

— Она самая. Прекрасная вещь, только характер отвратительный.

Северин поставил папку на сухой выступ у корней.

— А, вот вы где, — сказал Феликс дереву.

— Знакомы?

— Слышал про неё.

Он хотел разглядеть нижнее яблоко и наклонился. Северин придержал его за плечо.

— Не так. Она вас сейчас обманет. Меня уже проводила однажды, хватит.

— Дерево?

— Да вы поглядите, как висит. Прямо в руку. Думаете, случайно?

Феликс посмотрел на него, потом на яблоко.

— Северин, вы сейчас приписываете ему намерение.

— А вы сначала протяните руку.

Феликс протянул. Из-под корней потянулась тонкая зелёная струйка.

Он убрал руку.

Северин с торжеством кивнул.

— Ну вот. А я что говорил. Не надо с ней как с деревом.

В трезвом состоянии Феликс нашёл бы на это немало возражений. Сейчас его занимало другое: дым ничем не пах и рассеялся, едва он отступил. Можно было попросить Квентина снять плод самому. Следовало именно так и сделать.

— Мы ничего не берём, — сообщил Северин яблоне. — Мы осматриваем.

Он шагнул под ветви. Дым снова показался у земли.

— Не верит, — с досадой сказал он. — Вот же упрямая.

Феликс засмеялся — неожиданно для себя, с облегчением. Северин обернулся, тоже улыбнулся и поднял палец.

— Вы же сами говорили: надо попробовать другую роль.

— Для человека.

— Я человек. Я и попробую.

— Кого?

Северин немного подумал.

— Пчелу.

Феликс закрыл глаза.

— Здесь нет цветов.

— Проверю.

— Пчёлы не едят яблоки.

— А мы не есть. Мы по делу. Вам образец нужен? Мне

тоже интересно.

Северин расстегнул пальто, осторожно развёл руки и шагнул к дереву боком. Изобразил звук, больше похожий на неисправную пилу, чем на пчелу, помолчал и попробовал тоньше.

Феликс смеялся уже вслух.

— Вы почему такой крупный?

— Хорошо зимовал. Не мешайте, доктор.

Он вытянул шею к нижней ветке, принюхался к яблоку и совершенно обычным движением взялся за черешок.

Зелёный дым ударил ему в лицо. Северин отпрянул, зачихал и выпустил из носа две яркие искры.

Феликс поймал его за локоть.

— Так и знал, — выговорил Северин. — Видели? Узнала.

— Вы рукой полезли. После всего этого жужжания.

— А чем мне надо было?

Феликс открыл рот. Закрыл. Научного ответа у него не нашлось, зато он начал понимать трудности организации парка.

Сверху скрипнуло окно.

— Северин?

Оба подняли головы.

В тёмном проёме виднелась голова Квентина.

— Мы к тебе, — сказал Северин, с достоинством опуская руки. — У нас важный вопрос.

— По опылению?

— Не только.

Квентин посмотрел на Феликса, потом на яблоню.

— Я спущусь. Ничего не жрите.

— Я врач, — сообщил Феликс.

— Тем более.

Окно закрылось.

Они сели у ствола. Северин ещё раз чихнул, на этот раз без искр. Феликс решил, что пять минут тишины сейчас никому не повредят. Над головой тихо шевелились листья, из дома доносился стук: Квентин, вероятно, искал обувь.

— Про лица сначала вы расскажете, — сказал Северин.
— А я потом про предприятие. Только не начинайте с того, что невозможно. Я его знаю.

Феликс кивнул. Он видел золотое яблоко прямо над собой; можно было дотянуться, даже не вставая, но ему уже не хотелось. Он устроил затылок удобнее, закрыл глаза и решил, что откроет их, когда скрипнет дверь.

* * *

Утром оказалось, что удобнее всего затылок был устроен на корне.

Феликс осторожно поднял голову. Шея отозвалась такой болью, что он некоторое время сидел неподвижно, держась за неё обеими руками.

На сухом корне возле его плеча лежало золотистое яблоко.

Феликс осторожно убрал его с края, чтобы не скатилось.

На коленях лежал плед. Соседний конец пледа Северин намотал на себя почти целиком. Он спал, прижимая к животу папку с чертежами, и выглядел неприлично довольным.

Феликс вспомнил тёмную дверь. Собственное лицо. Зелёные искры.

Потом — звук, который издавал Северин.

— Боже мой.

— Уже проснулись?

Квентин стоял на дорожке с кружкой. Смотрел он внимательно, без малейшего сочувствия.

Феликс попытался выпрямиться.

— Я, кажется, настолько соскучился по Мадлен, что начал вести себя как она.

Произнести имя вслух было хуже, чем подумать. Он отвернулся, заметил на рукаве землю и принялся её стряхивать.

— Какой стыд.

— Сочувствую Мадлен, — сказал Квентин. — Как пчёлам спалось?

Северин открыл один глаз.

— Мы не пчёлы.

— Ночью изображали. Один гудел, другой давал советы. Пока я спустился, оба уже спали.

Северин снова закрыл глаз.

Феликс посмотрел на плед.

— Это вы нас укрыли?

— Нет, яблоня. У неё проснулась совесть.

Он поставил кружку на выступ у корней и вернулся к дому. Через минуту принёс ещё две кружки и кувшин воды.

Северин наконец сел. Долго смотрел на свои ботинки, словно не сразу признал, затем раскрыл папку. Из неё выпал лист с жирной надписью «ПРАЧЕЧНАЯ».

— Мы всё-таки придумали очень хорошую вещь, — сказал он.

Феликс налил себе воды и выпил. Пить хотелось ещё, но желудок требовал осторожности.

— Мы ещё не знаем, сколько она будет стоять.

— Вот поэтому хорошую. Потом начнутся подробности.

Квентин налил воды и Северину.

— Вставайте. Я завтракать собираюсь. Если у вас ещё осталось важное дело, расскажете за едой.

Он подхватил свою кружку и пошёл к дому, велел им отряхнуться, прежде чем заходить.

Феликс попытался встать. Северин протянул руку; вытащить доктора удалось только со второй попытки. Яблоко Феликс взял с собой.

— Про наш парк пока помолчите, — негромко сказал он.

— Я хотел только рисунки показать.

— После завтрака.

Глава 6. Под юбкой

Предыдущим вечером.

Встречающая подождала, пока они оглядятся, и повела между столиками. Мадлен двигалась с таким видом, будто именно сюда и собиралась весь день. Фанни следила, чтобы не задеть чужим пиджаком свечу. Она попробовала вернуться к походке, которую отрепетировала перед зеркалом: чуть свободнее плечи, спокойнее шаг, незачем всем уступать дорогу. На несколько шагов получилось. Потом над ближайшим столиком рассыпалась светящаяся юбка, и Фанни опять забыла, кого изображает. Ей хотелось рассмотреть всё сразу, спросить Мадлен, как это сделано, и при этом не выдать, что она здесь впервые. Роль всё время ускользала. На сцене она успела бы освоиться за кулисами; здесь её уже называли сударем, а она ещё искала, куда деть руки.

Им достался столик у колонны, сбоку от малого помоста. До его края было шага три; узкий проход вдоль стены вёл к приоткрытой служебной двери. Сквозь неё виднелись вешалка и край большого зеркала. Встречающая отодвинула кресло для Мадлен.

— Вам отсюда будет хорошо видно, доктор.

— Превосходно, — отозвалась Мадлен и лишь потом проверила, что именно.

Фанни села напротив. На столике лежала узкая программа

с тиснёной подвязкой. Она раскрыла её, рассчитывая занять руки. «Дама выбирает. Лиана Вель».

— Интересно, из кого, — сказала Мадлен.

Фанни взглянула на зал и снова на программу.

— По-моему, из нас.

Мадлен поставила локоть на стол и с явным удовольствием огляделась.

Официант принял заказ: воду для Фанни, вино для Мадлен. Пока он расставлял бокалы, золотистые цветы над столиками стали гаснуть, один за другим. Фанни поискала, откуда ими управляют. Над служебной дверью, в маленькой ложе, сидел мужчина без пиджака. Пальцы лежали на Толкователе; рядом светился высокий накопитель в решётчатом кожухе. Мужчина переложил лист на пюпитре и посмотрел вниз.

На малом помосте разошлась портьера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.